

ОТСТУПНИКИ ЭСКУЛАПА

Их учили убивать вместо того,
чтобы спасать жизни

18+

ВЛАДИМИР ЕВМЕНОВ

Владимир Владимирович Евменов

Отступники Эскулапа

Серия «Премия Русский Детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64759246

Отступники Эскулапа: SelfPub; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-177142-3

Аннотация

Детектив от лауреата премии «Русский детектив 2021» в номинации «Дебют года».

1993 год. В подъезде многоэтажного жилого дома убит известный криминальный авторитет, за которым долгое время охотилась милиция. Осмотрев тело, следователи обнаружили тонкий прокол в основании черепа. Как будто в голову жертве вонзили тонкий металлический стержень или медицинский стилет...

Милиция уверена, что авторитета попросту «заказали». Но очень скоро выясняется, что следы этого преступления тянутся из секретной фашистской лаборатории времен Второй мировой войны...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	50
Глава 6	59
Глава 7	69
Глава 8	83
Глава 9	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Владимир Евменов

Отступники Эскулапа

© Евменов В.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*** * ***

Пролог

Рядом с распахнутой настежь подъездной дверью обычного панельного девятиэтажного дома, почти касаясь спиной холодной бетонной стены, стоял человек. Он пристально наблюдал за соседним подъездом. Его одежда и даже вязаная шапочка на голове – все имело неброский серый цвет. И выбор этот был неслучаен. Прошло уже больше часа с тех пор, как хмурые ноябрьские сумерки резко, практически без перехода сменились темным дождливым вечером. И теперь на фоне серой стены девятиэтажки наблюдатель стал полностью незаметен, слившись с ней в единое целое.

Он стоял абсолютно неподвижно, словно это был не живой человек, а кем-то забытый на улице манекен. Дополнительную схожесть с пластмассовой куклой придавало бесстрастное, полное холодного безразличия лицо. Его сосредоточенность была столь глубока, что он игнорировал даже собственный дискомфорт. Человек в сером не обращал ни малейшего внимания на то, что на улице моросит холодный осенний дождь, одежда давным-давно промокла, а настойчивый северный ветер, казалось, пронизывает насквозь замерзшее тело, лишая его последнего тепла.

И это была чистая правда, но... на то были причины. Если бы кто-нибудь сейчас заглянул в его темную душу, то увидел бы там лишь одно. Во мраке глубин, разгораясь с каждой

минутой все сильнее и сильнее, пылал неугасимый огонь за-таенной ненависти, непрерывно подпитываемый врожденным коварством и полнейшей неудовлетворенностью собственной судьбой. А самой главной причиной этой одержимости была болезненная, с величайшим трудом сдерживаемая неутоленная жажда – жажда мести. Все естество его в эту минуту бурлило и клокотало, представляя собой кипящий котел страстей. Они требовали немедленного выхода, требовали самых решительных действий, требовали, в конце концов, отмщения и наказания виновного.

«Да... Да... Я хочу... Я очень хочу это сделать... – неслись мысли в его голове. – И я это сделаю! Я столько лет сдерживал себя... Столько лет... Но нет, хватит – я больше не могу ждать... не могу!.. Все, абсолютно все внутри меня требует этого!.. Я должен. Нет... не так. Я обязан утолить свою жажду мести. И за нее, и за него, и за всех других... за столько лет... Я уже столько лет их всех терплю!.. И сдерживаюсь!.. Ну хоть раз... хотя бы раз я должен позволить себе выпустить свой гнев!.. Должен!.. Обязан!.. Опять неправильно... Я этого ж-е-л-а-ю!!!»

Однако и в этот раз он так и не позволил своему гневу извергнуться в той мере, как он того хотел. Внезапно в его перевозбужденном сознании словно щелкнул невидимый тумблер, и в то же мгновение внутри возникла холодная пустота. В этой пустоте больше не было ни чувств, ни эмоций, ни желаний. Только некий безликий и до тошноты рациональ-

ный внутренний голос начал спокойно и уверенно отдавать четкие команды для дальнейших действий.

Стоит отметить, что когда-то, много лет назад, волею судьбы он овладел одним очень важным умением, одной внутренней силой, которую с тех пор ежедневно развивал в себе. Со временем эта сила стала основой всего его существования. Лишь она могла в любой ситуации сохранять то шаткое внутреннее равновесие, тот хрупкий баланс между эмоциями и действиями. Это была сила собственного холодного разума.

Так случилось и в этот раз. Ситуация вновь была взята под безупречный контроль.

«Нет... я не буду делать глупости. Я потерплю... я все стерплю ради нашей цели. Она будет горда за меня... она будет благодарна... Я знаю».

И ровно в тот самый момент, когда неизвестный окончательно справился со своими душевными терзаниями, к дому подъехал легковой автомобиль. А еще через пару секунд из него вышел молодой человек спортивного телосложения и быстрым шагом направился к соседнему подъезду. Таинственный незнакомец был уже наготове. Проводив молодого человека взглядом, он бесшумно и быстро двинулся следом.

«Что ж, похоже, игра началась. Пора. Мой выход...» – бесстрастно констатировал человек в сером.

Глава 1

Календарь 1993 года настойчиво указывал на то, что сегодня суббота, а именно шестое ноября, канун семьдесят шестой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Правда, теперь никто массово отмечать этот исторический праздник уже не собирался, да и самой страны с гордым названием СССР больше не существовало на карте мира. Вместо нее граждане нашей многонациональной Родины привыкали жить и выживать совсем в другом государстве, да и, собственно говоря, в совершенно иной реальности, носящей такое непривычное пока еще название Российская Федерация.

И как раз в это самое время один небольшой, но довольно известный город в Центральной России, гордо носящий звание областной столицы, медленно, но неизбежно погружался в сырую серую мглу поздней осени. Ноябрь всегда стирал все краски в этом городе, превращая очертания красивого исторического центра в безликое, унылое нагромождение зданий. Настолько серое, что даже старинный городской парк никак не мог избавить жителей от подобного ощущения.

В городе с каждой минутой становилось все темнее и темнее. Ранний холодный ноябрьский вечер обволакивал горожан, спешащих поскорее добраться до теплых уютных квартир, не только сыростью и промозглой погодой, но и тревож-

ными ожиданиями их будущей жизни. А тревожиться действительно было из-за чего. Многие заводы и предприятия, казавшиеся когда-то незыблемыми промышленными гигантами, Александрийскими столпами, построенными на века, теперь повсеместно прекращали свою деятельность. Закрываясь один за другим, они с безразличным спокойствием выбрасывали работников за борт жизни, отправляя их в свободное плавание по океану нищеты. И поэтому все чаще из людских уст звучало столь непривычное, пугающее и угнетающее сознание слово – «безработица». Цены в магазинах росли как на дрожжах, а денег в семьях оставалось все меньше и меньше.

Многие молодые люди, которым совсем еще недавно прививали вечные социалистические ценности, начали впадать в некий когнитивный диссонанс. Их дальнейшие жизненные пути зачастую носили диаметрально противоположный характер. Кто-то, как и раньше, считал, что добиться чего-то в жизни можно лишь с помощью упорной и кропотливой учебы – обычно такие молодые люди продолжали учебу в институтах и университетах. Другая часть молодежи выбирала путь быстрого обогащения, становясь коммерсантами разного пошиба. А некоторые особо беспринципные личности считали, что наилучший путь – это криминальный. Самый короткий и простой.

Именно так рассуждал Геннадий Никитин, бывший школьный хулиган и вечный двоечник, с большим скрипом

окончивший восемь классов и поступивший по совету друзей в ПТУ, чтобы получить столь востребованную в жизни профессию автослесаря. Так уж сложилось, что было у паренька в жизни лишь одно увлечение – автомобили. Машины Генка любил, порой даже слишком, но, правда, не ремонтировать их, а кататься.

Парень вырос в небогатой рабочей советской семье. Личного автомобиля у Генкиного отца никогда не было, за что мальчишка его втайне презирал. А еще сын не мог терпеть родителя за мягкость характера и за то, что тот всегда и во всем уступал жене. Та же, являя собой полную противоположность мужу, была женщиной властной. Сколько маленький Гена себя помнил, мать его вечно ругала, а частенько даже и била, используя в воспитательном процессе резиновый шланг от старой стиральной машины. Поэтому мать Никитин тоже не любил. А когда позднее в жизни ему начали попадаться бойкие девушки, в силу особенностей характера пытавшиеся хоть в чем-то доминировать, то, как правило, ничем хорошим для них это не заканчивалось. Никитин поступал с ними очень жестко, унижая их всеми возможными способами, особенно в интимной сфере. А к тем, кто пытался оказывать сопротивление, Генка, ничуть не стесняясь, применял методы физического слома воли.

Уже в раннем возрасте будущий преступник озадачился проблемой поиска денег для удовлетворения личных желаний, а в силу того, что родители не давали ему ни копей-

ки, добывать наличные он принялся самостоятельно. Поначалу, еще учась на первом курсе училища, Никитин по совету дружка Толика стал по выходным торговать джинсами на местном блошином рынке. Хотя «торговать» – это слишком громко сказано. Ведь вся торговля, по сути, сводилась к перепродаже втридорога купленных у знакомых барыг дефицитных польских подделок. Это приносило небольшие, но вполне ощутимые доходы.

Генка так увлекся этим процессом, что полностью забросил учебу. Он практически перестал появляться на занятиях и в итоге на последнем курсе оказался на грани исключения. А поскольку на тот момент ему стукнуло восемнадцать, Никитин рисковал в самое ближайшее время загреметь в армию – учеба ведь давала отсрочку от службы. Поэтому, хорошенько подумав, Генка решил продолжить обучение. Цена вопроса о сохранении статуса учащегося обошлась ему, по его же личным меркам, вполне по-божески – всего лишь ящичком молдавского коньяка, который накануне ночью он благополучно стащил вместе с Толиком из торгового ларька. Так что в итоге не пришлось потратить ни рубля из личных сбережений.

Эта простота в решении вопроса с учебой и то, как легко им сошла с рук кража спиртного, настолько воодушевили молодых ребят, что они тут же задумали еще раз проверить подобное дельце. Однако на этот раз удача была явно не на их стороне.

Расстроенный ночной кражей коньяка сорокатрехлетний армянин Артур Араратович Кеян, будучи мужчиной прижизненным и не желающим терять ни копейки прибыли, накануне утром выгнал с работы провинившуюся продавщицу. Не найдя ей пока что замены, он принял решение торговать этой ночью самостоятельно. А потому, когда посреди ночи на пороге ларька появились двое неизвестных, именно хозяин и оказался так некстати на их пути. Увидев, как два молодых человека пытаются потихоньку вытащить коробку импортной водки через боковую дверь, Кеян не растерялся. Быстро вытащив из-под прилавка пистолет, он направил его на наглых воришек и громко крикнул:

– Стоять! Вы что, суки, делаете?!

Анатолий, несмотря на то что был парнем крупной комплекции и грозного вида, едва увидев дуло пистолета, не на шутку испугался. Не придумав ничего лучшего, он залепетал скороговоркой, косясь на темнеющую матовую сталь:

– Мужик, ты че?.. Мы, наверное, ларек попутали. Убери пушку... Убери. Все, мы уходим. Ты прости, мужик, если че... Ошибочка вышла.

Генка, к удивлению дружка, на угрозу применения оружия никак не отреагировал. Он замер на месте и принялся молча следить взглядом за рукой армянина.

– Вы что, шакалы, опять меня обворовать захотели?! Да хрен вы знаете старого Артурчика! Я вас, твари, ментам сдам! А ну, подняли руки! Или что, пулю захотели пой-

мать? – угрожающе выдал, блефуя, хозяин ларька.

Пистолет был газовый, а патронов в обойме имелось всего три штуки – один холостой и два – со слезоточивым газом. Уж слишком жадным был от природы Артур Араратович, сэкономил на всем, даже на собственной безопасности.

Однако, восприняв его угрозы за чистую монету, Толян тут же послушно поднял руки вверх. Никитин же, не выкаывая ни малейших признаков страха, смело шагнул вперед.

Что подвигло его на этот поступок, сказать трудно, но одно Генка знал точно: им овладело новое, доселе неведомое ощущение. Это было нечто сродни переплетению дикого азарта, физиологического возбуждения и безумно интересной смертельной игры, которая приятно щекочет нервы, заставляя сердце биться чаще.

Сообразив, что парень не испугался и теперь бесстрашно направляется в его сторону, Кеян направил пистолет таким образом, чтобы дуло оказалось точно напротив лица нападающего. Но по стечению обстоятельств именно этот маневр сыграл с незадачливым армянином злую шутку. Едва дуло оказалось напротив глаз Никитина, в ствол попал свет от лампы, висевшей над окошком продавца, и Генка смог заметить рассекатель газов.

«Ага... значит, пистолет не боевой, а газовый».

Ощувив новый прилив смелости, он резко выбросил вперед правую руку, крепко схватил ствол и, дернув его на себя, вырвал оружие из руки незадачливого коммерсанта. Среаги-

ровать на столь молниеносное движение Артур Араратович не успел. С приоткрытым от удивления ртом, непонимающе глядя на руку, в которой секунду назад был пистолет, он в буквальном смысле слова остолбенел.

– Ну что, Ара, допрыгался? Теперь я буду тебя наказывать. Ты что же, сука, ментам захотел нас сдать? – полным злобы голосом прошипел Генка.

Без всякого предупреждения он ударил Кеяна кулаком по лицу. От силы этого удара несчастный армянин отлетел далеко назад и врезался седеющей, с большой залысиной головой в продуктовый стеллаж. Послышался звон бьющегося стекла, грохот падающих бутылок, коробок и банок. А следом медленно сполз на пол и сам хозяин ларька.

Обхватив руками разбитую голову, Артур Араратович что было сил истошно заверещал:

– А-а-а! Не надо, не надо! Берите, что хотите! Только не бейте больше! Не надо!

– Заткнись, урод, – грозно велел ему внезапно осмелевший Толян, который довольно быстро сообразил, что ситуация поменялась и теперь они сами могут диктовать условия.

Побитый коммерсант послушно затих на полу. Опасаясь дальнейшей расправы, он испуганно переводил взгляд с одного молодого бандита на другого.

– Сколько у тебя с собой денег? – задал ему вопрос Никитин, однако, видимо, передумав, добавил: – Давай все, что есть в кошельке и в кассе. И если хочешь дальше вести свой

бизнес, будешь раз в месяц отстегивать нам...

Тут Генка задумался: «А какую, собственно, сумму должен он нам отдавать?» И не придумав ничего лучшего, сказал первое, что пришло ему в голову:

– Короче, сто долларов с ларька. А иначе все ларьки сожжем. Уяснил?

– Да-да... Конечно... Все будет, как вы скажете, – согласился на Генкины условия Артур Араратович.

Трясущимися руками он вынул из кармана брюк портмоне, вытащил из него все имевшиеся купюры и протянул Никитину. Следом так же безропотно была отдана вся наличность из кассы. Получив первые легкие деньги «из воздуха», а заодно прихватив с собой бутылку миндального ликера «Амаретто», чтобы обмыть почин, молодые рэкетеры покинули продуктовый ларек.

Однако остальное в этой истории складывалось не так просто. Уже на следующее утро, окончательно придя в себя после первого шока от столь дерзкого ограбления, а заодно хорошенько поразмыслив над сложившейся ситуацией, Артур Араратович принял принципиальное решение в милицию за помощью не обращаться. Вместо этого, посоветовавшись с многочисленной родней, он отправился с насущной проблемой к совершенно иной части армянской диаспоры – к криминальной. Но что-то пошло не так, и окончательный итог для незадачливого бизнесмена оказался куда более плачевным, чем мог бы быть. Однажды ночью два из трех имев-

шихся у Кеяна в собственности ларьков оказались сожжены дотла, а сам предприниматель под угрозой физической расправы, а также с целью сохранения спокойной жизни себе и своей многочисленной родне добровольно расстался с недавно купленной «Ладой» модели 2107.

Зато Генка Никитин, почувствовав непередаваемую атмосферу кипящего внутри адреналина, вкус легких денег и кружащее молодую голову чувство полнейшей безнаказанности, принял для себя окончательное решение: он будет жить именно такой жизнью. Такой, и никакой больше.

Глава 2

Хмурым, промозглым ноябрьским вечером на автомобильной стоянке около ресторана «Кристалл», рядом с Audi-80 черного цвета, стоял и смотрел на окружающий мир через призму личного превосходства высокий, коротко стриженный молодой человек двадцати трех лет. На нем были дорогая, импортная, укороченная черная кожаная куртка и черные фирменные джинсы. На указательном пальце одной руки он крутил брелок с ключами от машины, а в другой небрежно держал дымящуюся сигарету известного табачного бренда Marlboro. От его фигуры исходили невидимые флюиды агрессии и неприкрытого вызова окружающим.

Никитин ожидал очередную жертву своей патологической тирании – молоденькую студентку Лену. Не так давно, где-то в середине лета, он случайно познакомился с ней на центральной городской улице. Девушка мгновенно привлекла его мужское внимание, поскольку была высокой стройной блондинкой с длинными ногами и третьим размером груди. Именно такой набор прелестей любил и ценил в противоположном поле Генка Никитин. Правда, с характером новой подружки ему не сильно повезло. Она оказалась на редкость упрямой, а при более близком общении еще и чересчур строптивой для такого крутого и известного в городе бандита, как он. Не сказать, чтобы это сильно смутило или

расстроило Геннадия – он уже давно привык брать свое любым путем, – однако определенно доставило неудобство. От непокорного отношения со стороны слабого пола Никитин уже давно отвык. Поэтому, недолго думая, он решил воспользоваться старым и проверенным способом – сломить сопротивление и волю жертвы физическим путем. Правда, показывать весь свой агрессивный потенциал ему так и не пришлось – хватило одного раза, чтобы Лена стала тихой и покладистой.

Проблема в отношениях неожиданно нарисовалась совсем с другой и крайне неприятной для него стороны. Оказалось, что у новой подруги имеется бойфренд – студент местного медицинского института Артем и Лена позволяет себе втайне от Никитина встречаться с институтским приятелем на стороне. Чего-чего, а этого Генка стерпеть не мог. Когда его «шестерки» выяснили, где проживает Ленкин ухажер, в один из темных осенних вечеров несчастный студент был жестоко избит, да так, что в итоге оказался в больнице с серьезной черепно-мозговой травмой.

В наказании Лениного приятеля, конечно же, Геннадий участвовал лично. При этом обнаглевший бандит даже не пытался скрывать своего лица. Генка отлично знал, что в милиции у него есть многолетние налаженные связи, а значит, «вопрос» можно будет решить довольно просто и недорого, спустив все на тормозах. Он теперь только так и жил – веря в силу собственной безнаказанности и в абсолютную власть

денег, будучи искренне уверенным в том, что все всегда и везде можно купить: вопрос лишь в цене.

С того вечера прошло больше месяца. Бедолага Артем, попавший под жестокие бандитские кулаки, выписался из больницы и теперь вновь посещал институт. А вот Лена, видимо, сильно испугавшись того, что уже сделал и может еще натворить беспредельщик Никитин, решила на какое-то время затаиться. Ее страх был настолько велик, что она стала бояться выходить одна из дома. Рано утром ее отвозил в институт и вечером забирал обратно старинный бабушкин знакомый Дмитрий Иванович, который в этом институте преподавал. Она настолько была напугана, что перестала даже поднимать трубку домашнего телефона, поскольку почти ежедневно, а то и по несколько раз за день ей настойчиво и с откровенными угрозами названивал беспринципный и наглый Никитин.

Однако настоящим ударом, полностью разрушившим ее и без того хрупкую оборону, стал неожиданный приход этого бандита к ней домой два дня назад.

Спокойным размеренным вечером, когда после совместного ужина с бабушкой студентка села готовиться к зачету, в дверь раздался продолжительный звонок. Ничего не подозревающая бабушка спокойно открыла дверь. На пороге квартиры стоял Геннадий Никитин, держа в одной руке большой букет белых роз, а в другой – дымящуюся сигарету.

– Я к Елене, – безапелляционно заявил он.

Не дожидаясь приглашения войти, Генка небрежно выкинул окурок на середину лестничной площадки и вальяжно шагнул в прихожую.

– Молодой человек, что вы себе позволяете? – возмущенно воскликнула пожилая женщина, смело преграждая путь наглецу, хотя сама с трудом опиралась на костыль.

Не обращая никакого внимания на произнесенные в его адрес слова, Генка бесцеремонно отодвинул старушку в сторону и, сделав еще шаг, громко выкрикнул:

– Лена, выходи! Ты что, в игры решила со мной поиграть?! Я уже месяц не могу с тобой ни о чем нормально поговорить! Чего ты от меня прячешься? Почему трубку не берешь? Все, баста! Игры закончились! Запомни раз и навсегда: от меня нельзя ни убежать, ни скрыться, если только я сам этого не захочу! Ты все поняла, девочка?!

Ответа он не дождался, так как в эту самую минуту, дрожа всем телом, обхватив обеими руками и прижав к животу подушку, Лена в страхе затаилась на диване в соседней комнате. От безысходности, которую она сейчас испытывала, слезы сами потекли из глаз. Несчастливая студентка была на грани истерики, прекрасно понимая, во что ей «посчастливилось» вляпаться, когда прошлым летом она познакомилась с таким красивым и спортивным молодым человеком.

– Так, немедленно покиньте квартиру! А иначе я сейчас же вызываю милицию! – раздался в коридоре громкий требовательный голос Лениной бабушки.

Никитин терпеть не мог, когда на него кричали, а особенно когда на него повышали голос пожилые женщины, которые всячески напоминали ему о родной матери. Поэтому на слова, произнесенные в его адрес на повышенных тонах, Генка среагировал мгновенно. Резко повернув голову в сторону старушки, с глазами, горящими безумной яростью, он тихо и хрипло прорычал сквозь зубы:

– Слышь, бабка... Лучше бы ты заткнулась. А то я могу очень-очень быстро помочь твоим старым косточкам развалиться. Прямо здесь и сейчас. Ты меня хорошо поняла, божий одуванчик?

– Смотри, как бы ты сам не развалился... мальчишка, – ничуть не испугавшись, смело ответила ему старая женщина.

Ее взгляд в этот момент не выражал абсолютно никаких эмоций. Он был на удивление спокоен, в нем чувствовался какой-то внутренний расчет, а еще... ничем не объяснимое бесстрашие. Опешивший от такой наглости Генка удивленно уставился на смелую бабулю. Растерявшись, он даже не знал, что сказать ей в ответ.

Дальнейшее произошло стремительно. Без какого-либо предупреждения, буквально за долю секунды, старушка резко подняла свой увесистый костыль и замахнулась им на Никитина. Однако привести в исполнение потенциальную угрозу она так и не смогла, поскольку в этот момент в коридор вбежала Елена. Она кинулась вперед и мгновенно оказалась между бабушкой и молодым бандитом.

– Стой! Бабушка, не надо! Он же тебя убьет! – в страхе закричала студентка и, понимая, что безоговорочно сдастся, шагнула к Никитину.

Взяв Генку за руку, она увлекла его за собой из квартиры на лестничную площадку. Там у них состоялся долгий и мучительный разговор, результатом которого стало ее согласие на романтический ужин в ресторане «Кристалл».

* * *

Геннадий Никитин в эту гадкую, промозглую погоду уже полчаса стоял около центрального входа ресторана в ожидании Елены. И теперь он был настолько раздражен и зол, что физически ощущал, как ярость закипает в его крови.

«Что она себе позволяет?! Заставляет меня ждать?! А может, она вообще передумала приходить на встречу?» – злость, словно расплавленный свинец, прожигала его изнутри.

Кинув окурок на порожек, он направился напрямиком к ближайшему телефону-автомату. Набрал знакомый номер, Генка принялся напряженно вслушиваться в длинные гудки.

Наконец на том конце провода послышался женский голос:

– Я вас слушаю.

Никитин сразу его узнал – это был голос Елены. Она еще дома! От такой наглости у него даже дыхание перехватило.

– Ты что, совсем страх потеряла?! – единственное, что смог прохрипеть молодой бандит.

– А, Геннадий, это ты... Да, в ресторан я не приду. И вообще, я выхожу замуж и переезжаю в другой город. Так что больше мне не звони. – И в трубке послышались короткие гудки.

Генка был вне себя от ярости. С обезумевшим взглядом он направился к своей машине. Забравшись на водительское место и совершенно не контролируя свои действия, озверевший молодой человек принялся с силой наносить удары ладонями по обшивке панели приборов. Немного разрядившись, он вставил ключ в замок зажигания, переключил скорость и вдавил педаль газа в пол.

Генка несся по городу на бешеной скорости, игнорируя светофоры и правила дорожного движения. Для себя он уже твердо решил, что терпение его лопнуло окончательно. Всю дорогу в голове у Никитина крутилась одна и та же мысль, что вот сейчас, придя в квартиру, где живет Ленка, он покажет ей, чего она стоит. А заодно и ее бабке, этой старой борзой барсучихе. Прощать их он не собирался.

Домчавшись до знакомой девятиэтажки, он остановил машину посреди детской площадки и торопливо выбрался наружу. На возмущенные возгласы двух старушек, которые в этот момент проходили мимо, выгуливая собачек, Генка не среагировал. Он не желал тратить ни секунды ни на кого, кроме как на сильно задевшую его мужское самолюбие де-

вушку.

Зайдя в подъезд, молодой бандит со злостью вдавил кнопку вызова лифта на всю глубину. Двери кабины медленно открылись, и он торопливо шагнул внутрь.

Неожиданно откуда ни возьмись у него за спиной вырос человек, который очень шустро заскочил вслед за ним, после чего тихим, приглушенным голосом культурно поинтересовался:

– Вам на какой этаж?

Ничего не ответив, даже не удосужившись повернуть голову в сторону незнакомца, Генка нажал на кнопку девятого этажа. Все его мысли сейчас были сосредоточены лишь на том, что он сделает с этой непослушной стервой и ее бабкой, когда войдет в их квартиру.

Лифт неторопливо поднялся на девятый этаж. Двери стали открываться, и внезапно ничего не подозревающий Никитин ощутил, как что-то острое с огромной силой вонзилось ему в затылок. Подумать о большем он не успел, поскольку в то же мгновение потерял сознание и грузно рухнул на грязный заплесанный пол.

Человек в сером, прибывший с ним на девятый этаж, быстро присел на корточки и сильно надавил большим пальцем левой руки на область основания затылка бандита. Он удерживал палец в таком положении в течение минуты, после чего достал из кармана демисезонной куртки маленькую бутылку водки объемом 0,25 л, в простонародье называемую

«чекушкой», и открутил крышку. Взявшись рукой в кожаной перчатке за нижнюю челюсть лежавшего на полу бандита, он широко раскрыл ему рот, а затем осторожно вылил туда почти все содержимое бутылки. По кабине тут же разнесся запах алкоголя и еще какой-то неуловимой химической примеси. Остатки спиртного убийца вылил на одежду покойника, а затем аккуратно уложил тело Никитина на бок, лицом вниз.

Встав в полный рост, он неподвижно постоял пару секунд, оценивая результат своей работы. Было заметно, что он не слишком им доволен, его явно что-то не устраивало. По внешним признакам понять это было довольно сложно, но в любом случае, его следующий поступок нельзя трактовать однозначно. Трудно судить: то ли это особенность проявления личной мести, то ли сделано для создания большей достоверности. Мужчина вдруг расстегнул ширинку и обильно помочился на область паха бандита. Эта имитация специфического пятна на штанах у Никитина и лужи мочи под ним мужчине удалась виртуозно. Теперь у любого вошедшего в лифт с первого взгляда должна была возникнуть конкретная мысль: на полу разлегся и спит мертвецким сном сильно пьяный молодой человек.

На сей раз с удовлетворением посмотрев на конечный результат, а заодно спрятав пустую «чекушку» обратно в карман куртки, убийца залез во внутренний карман пиджака и извлек оттуда маленький пузырек темного стекла. Открутив

крышечку, он задержал дыхание и осторожно посыпал пол вокруг мертвого тела белым порошком. После чего он нажал на кнопку с цифрой «9». Когда двери открылись, он осторожно перешагнул через тело и спешно покинул лифт.

Однако на этом дело не закончилось. Остановившись посреди площадки, мужчина замер и напряженно вслушался в тишину. Так он простоял с минуту. Лишь убедившись, что никто из жильцов за это время не покинул своих квартир, человек в сером направился к лестнице и спустился на первый этаж.

Тщательно обработав тем же порошком площадку первого этажа, он удовлетворенно вздохнул, крепко закрутил крышечку стеклянного пузырька и сунул его в карман куртки.

Как ни в чем не бывало человек в сером поднялся по лестнице обратно на девятый этаж. Немного отдышавшись, он уверенным шагом подошел к двери квартиры № 72 и нажал на кнопку звонка. Ему открыла молодая светловолосая девушка. Увидев гостя, она с радостной улыбкой поприветствовала его и любезно пригласила войти.

Глава 3

Капитан милиции Олеся Сергеевна Киряк сидела за большим общим столом в кабинете начальника отдела уголовного розыска подполковника Шереметьева. И хотя официально был выходной, да к тому же еще и праздничный день, сегодня здесь присутствовали все оперативники отдела. Сотрудники уголовного розыска были заранее предупреждены о том, что из центрального аппарата МВД поступило распоряжение: в этот праздничный день все службы в полном составе должны находиться на рабочих местах.

В памяти милиционеров были достаточно свежи воспоминания месячной давности, когда в Москву ввели войска, а здание правительства расстреляли из танков. И хотя их областной центр октябрьские события обошли стороной, напряженность того момента и общая тревожная атмосфера событий тех дней чувствовались до сих пор.

Иван Николаевич, седовласый лысеющий мужчина с небольшим крючковатым носом, уже много лет руководивший отделом, в настоящий момент доводил до сведения сотрудников последнюю оперативную информацию. Он объявил, что сегодня утром в кабине лифта одного из многоэтажных домов был обнаружен мертвым, но без явных признаков насильственной смерти один из местных криминальных авторитетов – Геннадий Никитин, более известный в

определенных кругах как Бизон. Это был самый молодой, но и самый отмороженный бандит из всего преступного сообщества их области.

Труп криминального авторитета первой обнаружила пенсионерка Щукина, когда в шесть часов утра повела на прогулку своего любимого пуделя. Пожилая женщина увидела в лифте лежащего без чувств неизвестного молодого мужчину. Вначале она решила, что он слишком пьян, поскольку в кабине стоял выраженный запах алкоголя, а на полу виднелась подсохшая лужа мочи. Поэтому, поступив вполне разумно, старушка решила спуститься пешком по лестнице. Но по пути домой ее собачке внезапно стало плохо. Понимая, что с питомцем на руках ей будет крайне тяжело подниматься пешком по лестнице, пенсионерка приняла решение воспользоваться лифтом. Зайдя в кабину, она сразу заподозрила неладное. Только теперь ей стало понятно, что человек, лежащий на полу, не подает признаков жизни. Потрогав пульс, старушка сообразила, что он мертв. В ужасе выскочив из лифта и кое-как добравшись до своей квартиры, она первым делом позвонила в милицию, а затем, на всякий случай, в «скорую помощь». Дежурный наряд милиции и «скорая помощь» прибыли на место оперативно и окончательно констатировали смерть неизвестного. Уже потом, когда прибыла следственная оперативная группа, ее сотрудниками был установлен факт, что обнаруженный мертвец является известным лидером местной ОПГ.

Олеся Сергеевна, которая все это время внимательно следила за ходом повествования, гадала и никак не могла понять, к чему клонит ее начальник.

«В чем тут, собственно, подвох? Пока что все лежит на поверхности. Или что, бандит не может умереть от каких-то других причин, кроме ножа и пули? Ох, чую, именно я буду в этом деле крайняя», – мысленно рассуждала она.

Пошел уже четвертый год, как после служебного перевода из районного отделения внутренних дел в областной уголовный розыск Киряк настойчиво пыталась доказать руководству, что она достойна работать в этом отделе. Оперативница буквально лезла из кожи вон, работала практически без выходных, ежедневно задерживаясь на службе допоздна и стараясь вовремя завершать всю текущую бумажную работу. Но пока что все ее старания словно упирались в непреодолимое железобетонное препятствие в виде непосредственного руководства. И хотя она не раз пыталась поговорить с Иваном Николаевичем, подполковник Шереметьев до сих пор продолжал держать ее на расстоянии.

Киряк прекрасно помнила тот день, когда, впервые переступив порог отдела уголовного розыска, тогда еще в звании старшего лейтенанта, она тут же получила незаслуженную порцию негатива. Иван Николаевич, исходя из каких-то личных принципов, категорично обозначил новой сотруднице свою позицию по поводу места женщины в милиции и в уголовном розыске в частности. Он заявил довольно резко и

прямо о том, что, с его точки зрения, самое лучшее место для женщины в погонах – это секретариат, архив или отдел кадров, а остальное в милицейской службе следует предоставить мужчинам. При этом он строго предупредил, что сама по себе принадлежность к женскому полу не дает Олесе Сергеевне никаких преимуществ на оперативной работе, а скорее, наоборот, оказывает ей медвежью услугу, поскольку никто с ней церемониться не будет – ни коллеги, ни преступники. А в конце подытожил, что, если она не внемлет его словам и проявит настойчивость, тогда спрос с нее будет в два раза выше.

И действительно, все эти годы начальник всеми правдами и неправдами сдерживал розыскной потенциал молодой сотрудницы, давая ей лишь наименее значимые уголовные дела. А если и предоставлял возможность взаимодействовать со следствием по хоть сколько-нибудь сложному делу, то, как правило, это был безнадежный «глухарь». При этом он требовал от подчиненной стопроцентной раскрываемости, а если начинал ругать, то делал это всегда намного жестче, чем в отношении других сотрудников. Короче, он всячески пытался выжить настойчивую оперативницу из своего отдела.

Эх, если бы знал или хотя бы догадывался подполковник Шереметьев, что творилось все эти годы в душе у этой молодой женщины, он, возможно, не был бы с ней столь строг и суров. Но об этом, к сожалению, не знал никто на всем белом свете, кроме, конечно же, самой Олеси Сергеевны.

Еще до того как вполне заслуженно, за профессиональные качества, да еще и по прямой протекции старшего следователя областной прокуратуры Ермолаева, который первым разглядел в молодом лейтенанте талант сыщика, ее перевели в уголовный розыск, Киряк успела пройти через ряд суровых жизненных испытаний и приобрела глубокую психологическую травму. Во время расследования одного резонансного уголовного дела, находясь без сознания, она попала в руки к безжалостному убийце-садисту. И тот, прежде чем совершить очередное злодеяние, предварительно попытался изнасиловать молодую оперативницу. Олеся Сергеевна до сих пор хорошо помнила, как, лежа на грязном, смердящем постельном белье, брошенном поверх грубо сколоченной деревянной кровати, полностью голая и связанная таким образом, что не оставалось даже малейшей возможности пошевелиться, она с ужасом снизу вверх взирала на похотливого душегуба. Понимая тогда всю безнадежность сложившейся для нее ситуации и с отчаянием ощущая полнейшую беспомощность, женщина мысленно прощалась с жизнью. И хотя тогда волею судьбы ей все-таки удалось избежать физического изнасилования, психологически в ней случился надлом¹.

С той поры ее не покидало ощущение, что она утратила прежнюю непоколебимую уверенность в собственных силах. Ее стальная, как ей казалось раньше, твердость духа исчезла, а вместо нее внутри воцарились унылая пустота и неопреде-

¹ Подробнее указанные события описываются в романе «Охота на вепря».

ленность. Как будто вектор ее духа потерял направление и теперь бешено крутился, как сошедшая с ума стрелка компаса. Впервые в жизни Олеся Сергеевна не могла быть уверена в себе на сто процентов. Все грезы о том, чтобы стать суперменом в юбке, грозой бандитов и воров, потерпели полное фиаско, а поселившийся в душе страх начал давать первые ростки, что совершенно неприемлемо для оперативного сотрудника уголовного розыска.

Вначале она решила пойти по самому простому пути, пытаясь заполнить внутреннюю пустоту ежедневной рутинной работой. Старший лейтенант с головой окунулась в милицмейские будни. Однако результат оказался нулевым, поскольку каждый новый случай насилия над человеческой личностью отзывался в ней острой болью.

Тогда Киряк кинулась в другую крайность, предполагая, что только истинно сильное чувство поможет ей вернуть былую уверенность в себе. Именно то наиглавнейшее для любой женщины чувство – любовь. Стоит отметить, что как раз по ходу расследования того самого печального для нее уголовного дела ей посчастливилось встретить особенного мужчину. Она целиком погрузилась во влюбленность. Чтобы понравиться избраннику, женщина даже решилась на кардинальные меры, задумав изменить свою внешность. Если раньше Олеся Киряк всегда носила короткую стрижку «под мальчика», то теперь, желая угодить вкусам мужчины, она принялась активно отращивать волосы. Кроме того, она ста-

ла больше и активнее пользоваться косметикой, а также намного женственнее одеваться. Джинсы с той поры все чаще стали заменяться удлиненной юбкой или строгим платьем, а всевозможные свитера в стиле унисекс закономерно сменили блузки и жакеты. Но, к сожалению, все ее старания оказались напрасны. Человек, который сумел пробудить в ней столь незнакомое пламенное чувство, мало на что реагировал, обрекая ее на все новые и новые страдания. А спустя некоторое время, по ряду причин личного характера, он неожиданно уволился из органов, где служил участковым, продал свой дом, а затем и вовсе переехал в областной центр.

И Киряк решилась на не свойственные ей шаги. В отчаянии переступив через себя, она подала рапорт и пошла к начальству с прошением о переводе в областной центр. Ей было абсолютно безразлично, как это выглядит со стороны и каким видом работы придется заниматься. Она хотела лишь одного – быть рядом с любимым мужчиной. Руководство райотдела, зная о ее высоких профессиональных качествах и учитывая прежние личные заслуги, а также, как упоминалось выше, во многом благодаря личному ходатайству старшего следователя областной прокуратуры Ермолаева, в конечном итоге дало добро на перевод Киряк. И не куда-нибудь, а в самое сложное и малопривлекательное для женщин место – уголовный розыск.

Поначалу она была безумно рада открывшейся возможности. Не беспокоило даже то, что новый начальник с первых

же дней повел себя крайне нетерпимо по отношению к ней. Киряк втайне лелеяла надежду, что теперь, когда она будет рядом с объектом своей любви, любые тяготы оперативной работы станут ей по плечу. Однако вышло иначе. Ответных чувств у своего избранника она по-прежнему не вызывала, а на службе теперь царил ад в самом прямом смысле слова. Все прежние трудности работы в районном отделе внутренних дел теперь казались ей цветочками. И все же, несмотря ни на что, молодая оперативница мужественно терпела, стиснув зубы, работала вопреки всему и вся.

Чтобы побороть неуверенность в собственных физических силах, Олеся Сергеевна начала посещать секцию боевых единоборств. Поскольку от природы она была худощава и имела довольно небольшой вес, то на борьбу решила не идти, прекрасно понимая, что в случае необходимости ей будет довольно трудно справиться с крупным и сильным мужчиной. В таком случае ей смогла бы помочь лишь ударная техника ведения боя. Немного поразмыслив, она выбрала наиболее подходящий для себя вариант – карате.

Первые полгода занятий непривычно было все, начиная от труднопроизносимых японских терминов и заканчивая самой философией карате. Однако со временем она настолько увлеклась и втянулась в процесс тренировок, что в итоге смогла увеличить их количество до пяти в неделю. Это закономерно отразилось и на качестве занятий. Уже через два года регулярных тренировок Киряк решилась на следующий

шаг и выступила на любительских соревнованиях. Медаль она тогда не завоевала, зато уверенность в себе с каждым днем все быстрее возвращалась к ней.

Правда, стоит отметить, что мозолей на кулаках заметно прибавилось, а с длинными ногтями пришлось расстаться навсегда. Но это были мелочи. К тому же время шло, и раны в душе потихоньку зарубцевались. Да и сама она стала психологически намного устойчивее, более спокойно стала относиться к ужасам повседневной работы. Защитный психологический механизм работал, а начинающаяся профессиональная деформация личности становилась лишь закономерным следствием этого процесса...

Заканчивая свое выступление, подполковник Шереметьев подытожил:

– Дежурная следственно-оперативная группа вместе с экспертом-криминалистом уже выехала на место. Но... случилась неприятность. Мне позвонил дежурный следователь и сообщил, что наш оперативник, старший лейтенант Сидоров, поскользнулся возле подъезда, да так сильно повредил себе голеностоп, что не может теперь ступить на ногу. Его отправили в травмпункт. Поэтому требуется замена...

Подполковник задумчиво обвел взглядом присутствующих. Остановив взгляд на Олесе Сергеевне, он указал на нее подбородком, таким образом обозначив свой окончательный выбор.

– От нас на место происшествия отправится капитан Ки-

ряк. У кого-нибудь есть вопросы?

Вопросов ни у кого не оказалось.

– Тогда прошу всех приступить к исполнению своих служебных обязанностей. Ну и с праздником вас, товарищи! – закончил утреннюю внеочередную планерку Шереметьев.

Глава 4

– Олеся Сергеевна, здравствуйте! Как я рад вас видеть! Как хорошо, что прислали именно вас! Хоть одно трезвое лицо увижу за сегодняшний день, – первое, что услышала Киряк, едва зайдя в подъезд девятиэтажки.

На площадке первого этажа около настежь раскрытых дверей лифта с черным чемоданчиком в руке стоял и приветливо улыбался пожилой седовласый человек.

– Здравствуйте, Виктор Феликсович, – поприветствовала криминалиста капитан.

Они с Сайбохом были знакомы уже давно и поэтому находились в определенных приятельских отношениях. Правда, ровно настолько, насколько позволяла разница в возрасте. Олеся Сергеевна, которой менее чем через месяц должно было исполниться тридцать три, вполне могла годиться ему в дочери.

– Что тут у вас, Виктор Феликсович? Несчастный случай? Или, может, вы усматриваете здесь криминал? – поинтересовалась Киряк, приступая к осмотру места происшествия.

При поверхностном осмотре действительно ничто не указывало на криминальный характер смерти. Не было ни видимых следов борьбы, ни телесных повреждений, ни следов крови. Одежда была цела и невредима, имела внешне опрятный вид. Складывалось впечатление, что по какой-то неиз-

вестной причине молодой человек просто лег в лифте на пол и умер. Единственным, что обращало на себя внимание, был выраженный запах алкоголя и еще какого-то химического вещества.

– Нет, пока что говорить об отравлении алкоголем или о передозировке наркотиками рано, нужно дождаться результатов лабораторного исследования крови. А так... никаких признаков травм или ранений... Сказать по правде, я пока что вообще никакого криминала здесь не усматриваю, – уверенно заявил эксперт. – Хотя, несомненно, окончательные выводы можно будет сделать только после проведения судебно-медицинской экспертизы.

– Понятно. А откуда здесь кровь? – удивленно спросила капитан милиции, внимательно рассматривая свои руки.

На резиновой перчатке виднелось маленькое, не больше двухкопеечной монеты пятнышко крови. Сайбох с удивлением взглянул на пятнышко и, не сдержавшись, выразил искреннее удивление:

– Олеся Сергеевна, вы не перестаете меня удивлять!.. Хотел бы я знать, где это вы умудрились обнаружить кровь? Я только что осмотрел труп с ног до головы – на нем нет ни ран, ни крови!

Киряк и сама была не меньше озадачена неожиданной находкой, поскольку совершенно не знала, где именно и в каком месте коснулась перчаткой крови. Однако факт оставался фактом, и теперь уже на пару с экспертом-криминалистом

они тщательно, сантиметр за сантиметром, провели повторный осмотр мертвого тела. Олеся Сергеевна даже сменила перчатки, чтобы использовать чистые как маркер обнаружения крови. Однако это не принесло успеха – источник так и не был обнаружен.

Все это начинало казаться странным.

Сайбох озадаченно покачал головой из стороны в сторону. Для него, специалиста с более чем тридцатилетним стажем, пропустить место на трупе, где имеется кровь, – это вопрос профессиональной чести.

– Олеся Сергеевна, давайте сделаем так. Раз не получается обнаружить кровь обычным путем, значит, будем менять тактику. Вспомните, пожалуйста, когда вы приступили к осмотру трупа, каких именно его частей вы касались?

Киряк оторвала взгляд от мертвого тела Никитина и удивленно посмотрела на криминалиста. Но потом, поняв ход мыслей Сайбоха, послушно закрыла глаза и принялась думать. Когда открыла их вновь, она, уже более не задумываясь, быстро повторила порядок действий при первичном осмотре.

И – о чудо! – на перчатке вновь отпечаталось крохотное пятнышко крови, но уже в два раза меньше предыдущего. Сыщики теперь знали точно, где искать. И повторный осмотр позволил им выявить источник мизерного наружного кровотечения. Им оказалась очень маленькая, не более трех миллиметров в длину, колото-резаная ранка в волоси-

стой части головы, находящаяся прямо у основания затылка.

– Что это за ранение такое? Оно что, могло привести к смерти Никитина? – поинтересовалась Олеся Сергеевна у криминалиста.

Пожилой эксперт также был озадачен. Порывшись в чемоданчике, он извлек оттуда тонкий стальной щуп и произвел аккуратное зондирование раны, пытаясь обнаружить раневой канал. Спустя некоторое время ему это удалось. Неожиданно зонд словно провалился в пустоту, глубоко погружившись в человеческую плоть. Из ранки тут же вытекло большое количество темной свернувшейся крови и парочка сгустков, а потом наружу стала медленно вытекать окрашенная кровью полупрозрачная жидкость.

Завершив манипуляции, Сайбох снял со своего мясистого носа очки в тонкой металлической оправе и почесал в задумчивости переносицу. Вновь водрузив их на прежнее место, он обратился к сотруднице уголовного розыска:

– Если честно, Олеся Сергеевна, я пока что затрудняюсь ответить на ваш вопрос. Хоть я и не судебный медик, мой опыт подсказывает, что, скорее всего, именно это и стало причиной смерти. Обратите внимание – из ранки сочится ликвор. Это может означать лишь одно: имеется сообщение со спинномозговым каналом. Но только судебно-медицинское вскрытие расставит все на свои места. Конечно, если рассуждать чисто теоретически... Например, удар был нанесен какой-нибудь толстой, прочной, очень острой сталь-

ной спицей... или тонким узким медицинским стилетом... а также при условии, что удар пришелся точно в область основания черепа и под определенным углом... В таком случае это вполне могло привести к мгновенной смерти. Единственное, что меня смущает, – почему не было наружного кровотечения?.. Но все это, как я уже говорил, пока что относится лишь к разряду теорий. А потому давайте не будем спешить и делать скоропалительные выводы. Извините, но повторю вновь: все станет ясно после результатов вскрытия. В любом случае, версия убийства теперь выходит на первый план, – категорично закончил Виктор Феликсович.

Услышанное взволновало Киряк. Она прекрасно понимала, что если это действительно убийство, то, учитывая, кем являлся в криминальной среде Никитин, вывод только один – убийство было заказным. И исполнено оно было столь изощренным способом, что вызывало определенные сомнения. Если это «заказуха», то почему для своих преступных целей убийца не использовал что-нибудь традиционное, например, огнестрельное оружие или нож?

Ходить за ближайшим примером далеко не требовалось. Полгода назад город встряхнули бандитские разборки. Тогда все происходило довольно просто, грубо и без затей. Криминальный авторитет по прозвищу Гром, урожденный Громов Сергей Николаевич, вместе с «бригадиром» и двумя «быками» был расстрелян из автоматов неизвестными лицами при выходе из ресторана «Русский», после чего последовал от-

вет в подобном стиле от противоборствующей группировки. А дальше закрутилось-понеслось. Поэтому версия о том, что конкуренты Никитина по преступному сообществу убили его вот так изящно, в стиле шпионских боевиков, была малоправдоподобной. Однако в любом случае, версия заказного убийства теперь однозначно вышла на первый план.

– А где дежурный следователь? Кто сегодня старший группы? – поинтересовалась Киряк.

– К моему большому сожалению, сегодня дежурит следователь Озеров. Он пошел куда-то наверх с местным участковым, – недовольно пробурчал эксперт, все еще рассматривая раневой канал.

– Озеров... – грустно вздохнула Олеся Сергеевна. – Ну Озеров, так Озеров.

– Эх!.. Вот незадача! А я тут уже все сфотографировал, замерил, записал. Опять придется начинать заново... Кстати, сегодня в бюро судмедэкспертизы дежурит наш хороший знакомый Петр Николаевич Ильин. Если съездите к нему и лично попросите старика, он вам точно не откажет. Уже к утру получите заключение по результатам вскрытия – Ильин тянуть не любит. Но вы лично должны его попросить. Потому что, если он узнает, что его торопит Озеров, дело затянется надолго, по максимуму.

– Спасибо, Виктор Феликсович, за совет, но вначале нужно поставить Озерова в известность. Я думаю, его такая новость совсем не обрадует.

Олеся Сергеевна хорошо знала этого следователя, который за свою патологическую лень и нерасторопность получил в отделе следствия занятное прозвище Груз. Кроме того, Озеров имел патологическое влечение к представительницам слабого пола, вне зависимости от их возраста и комплекции, а также непреодолимую тягу к крепким спиртным напиткам, что, однако, никак не мешало ему работать в следствии уже много лет.

Выйдя из лифта на площадку первого этажа, она почти сразу же услышала доносящиеся откуда-то сверху громкие мужские голоса. Недолго думая, Киряк шагнула в сторону лестницы и быстро зашагала по ступенькам наверх.

Где-то в районе восьмого этажа она встретила двух человек. Один был в милицейской форме, другой – в обычной гражданской одежде. Первым с капитаном уголовного розыска поздоровался сотрудник милиции. Это был довольно молодой, небольшого роста и плотного телосложения, с почти квадратной фигурой, местный участковый лейтенант Пикалин. Киряк его знала, но довольно плохо, лишь пару раз пересекалась с ним по службе. А вот второй мужчина, лет за сорок, с уставшими карими глазами и нависающими над ними тяжелыми отеками веками, оказался хорошо ей знаком. Звали его Николай Петрович Озеров, и нес он службу в следственном отделе УВД.

Оба милиционера явно пребывали в приподнятом настроении, что никак не смогло ускользнуть от пронизательного

взгляда Олеси Сергеевны. Подойдя ближе, Киряк сразу же поняла весь сарказм, прозвучавший в словах криминалиста Сайбоха о единственном трезвом человеке за сегодняшний день. От мужчин несильно, но довольно отчетливо несло алкоголем. И хотя внешне оба выглядели вполне трезво, повышенный эмоциональный фон их выдавал.

– Олеся Сергеевна, как приятно вас видеть! – с широкой улыбкой на лице приветствовал ее следователь Озеров. – Что же они вас так не берегут? В такой день на выезд отправляют, словно некого больше послать! Бросайте их ко всем чертям и переходите служить к нам в следствие! Мы вас на руках носить будем!

– Спасибо за столь любезное приглашение, Николай Петрович, только вот кабинетная работа мне пока что не сильно душу греет. Мне бы лучше чего-нибудь этакого – погоню со стрельбой устроить или убийцу по горячим следам разыскать. А если повезет, то, может, и маньяка какого-нибудь поймать... – попыталась в ответ отшутиться оперативница.

– Маньяки? Убийства?! Ну, тогда вы сегодня точно не по адресу приехали, дорогая вы наша мисс Марпл, – громко засмеялся капитан, совершенно забыв про такт. Видимо, выпитый не так давно алкоголь все более активно оказывал расслабляющее действие, веселя при этом мужчину. – Тут у нас сегодня большая радость свершилась. Своим ходом и совершенно без посторонней помощи наш бранный мир покинула очень большая сволочь – Генка Никитин по прозви-

щу Бизон. Это вот уже минут сорок назад нам констатировал многоуважаемый эксперт Сайбох. По такому поводу, а также в связи с наступившей семьдесят шестой годовщиной нашего великого праздника нам с товарищем участковым по сто грамм водочки негрешно было выпить... Вы не обижайтесь, Олеся Сергеевна, что я дернул вас на замену Сидорову. Порядок есть порядок, оперативник обязан быть в следственно-оперативной группе. Ну да ладно, это мелочи. Вот мы сейчас поквартирный обход завершим на всякий случай, и тогда я с превеликим удовольствием смогу пригласить вас в наш скромный отдел на бутылочку шампанского, – хитро прищурив глаза, завершил речь довольный собой дежурный следователь.

Было очень заметно, как присутствовавший при разговоре лейтенант Пикалин внезапно смутился. По всей видимости, озвучивать сторонним сотрудникам милиции праздничный прием водки никак не входило в его планы. Однако, быстро исправившись, далее своего смущения участковый старался не проявлять, сохраняя на серьезном молодом лице деловой рабочий вид.

– Да уж, Николай Петрович... Как я погляжу, за наше четырехлетнее знакомство фактически ничего не изменилось. Вы все так же красноречивы и... в хорошем жизненном тоне, – добавила немного колкости задетая за живое Киряк. Выдержав небольшую паузу, она продолжила: – Только я предполагаю, что в вопросе со смертью Никитина вы немно-

го ошибаетесь. Докладываю: только что совместно с экспертом-криминалистом Сайбохом нами был проведен повторный осмотр трупа, и теперь на первое место выходит совсем другая версия...

Тут Олеся Сергеевна замолчала, внимательно наблюдая за реакцией сотрудников внутренних дел. Участковый Пикалин в ответ на это известие не проявил никаких эмоций: он все так же деловито глядел перед собой. А вот следователь Озеров мгновенно изменился в лице. Он вмиг посерьезнел, и, как показалось Киряк, даже его скользкий маслянистый взгляд, немного замутненный водкой, внезапно прояснился, вновь став профессионально строгим.

– Что вы имеете в виду, когда говорите о другой версии происшествия?

Голос следователя также сменил тональность, теперь он стал резким и отрывистым.

– Мы с Виктором Феликсовичем обнаружили входной раневой канал в области основания затылка. Возможным орудием убийства мог стать узкий и прочный колющий предмет – спица, тонкий стилет, остро отточенный гвоздь, в конце концов. Так что, я полагаю, мы имеем дело не с несчастным случаем, а с умышленным убийством – статья сто пять, часть первая, как минимум. Вот так-то, товарищи Пинкертоны...

Это известие для дежурного следователя явилось громом среди ясного неба. Видимо, такой поворот событий кардинальным образом менял все его сегодняшние грандиозные

праздничные планы, о чем можно было судить по заметно погрузневшему выражению лица мужчины.

Ни о чем больше не спрашивая, Озеров торопливо спустился по лестнице на первый этаж, где о чем-то долго беседовал с криминалистом. Вернувшись обратно, он, даже не отдышавшись после быстрого подъема на восьмой этаж, первым делом обратился к Киряк:

– Олеся Сергеевна, ну зачем же вы так сразу категорично – убийство? Это же пока лишь предположение. А вот то, что я начинаю предварительное расследование, – это факт. И то, что я сейчас выпишу бумагу на проведение судебно-медицинской экспертизы, – тоже факт. У нас ведь нет ни свидетелей преступления, ни каких-либо улик, указывающих на преступника – ничего, никакой зацепки. И это тоже факт, Олеся Сергеевна, не так ли? Поэтому, уважаемый оперативный сотрудник уголовного розыска, раз уж вы так рветесь в бой, желая по горячим следам поймать преступника, то на правах старшего я даю вам распоряжение в срочном порядке приступить к оперативно-розыскным мероприятиям.

Лицо Озерова во время его монолога было строгим, однако уже в следующую секунду оно преобразилось. Николай Петрович слегка улыбнулся, подошел вплотную к Киряк, взял ее под локоток и увел в сторону.

– Олеся Сергеевна, а если откровенно, то я нуждаюсь в вашей помощи. Дело в том, что мне позарез надо через два часа быть в одном месте. – На этих словах он виновато сморщил

лицо и внимательно посмотрел женщине в глаза. – Очень нужно. Выручите меня – в долгу не останусь. Как завершите с Пикалиным поквартирный обход, съездите, пожалуйста, в судмедэкспертизу и попросите Ильина сделать вскрытие сегодня же, чтобы утром у нас уже были результаты. Здесь, естественно, все хорошенько прошерстите. А вечером, часиков в семь, встретимся у меня в отделе и все обсудим. Я знаю, на вас можно положиться – вы человек надежный, во всем разберетесь и без меня. Я вот сейчас только бумаги и протоколы заполню, вызову кинолога и отъеду. Так что временно вы будете старшей группы. Договорились?.. Выручайте, Олеся Сергеевна, край как надо!

Киряк призадумалась. Конечно, выручить Озерова не являлось для нее большой проблемой. К тому же он мог просто ей приказать, даже ничего не объясняя. Если честно, ей и самой уже стало интересно это не совсем обычное дело. Однако перспектива получить очередной нагоняй от начальства ставила столь заманчивое предложение на грань полного фиаско. Но все же профессиональный интерес сыщика перевесил инстинкт самосохранения рядового оперативного сотрудника уголовного розыска. «А... будь что будет, – решила она. – Все равно, что так от начальства получить, что этак. От меня не убудет».

Приняв окончательное решение, она объявила о нем Озерову. У того от радости даже щеки запылали огнем. Он возбужденно поблагодарил Олеся Сергеевну, эмоционально по-

жал ей руку и, оставив наедине с участковым, поспешно зашагал вниз по лестнице.

Участковый же по-прежнему не проявлял никаких эмоций. За все это время Пикалин не произнес ни единого слова, только поздоровался в самом начале встречи. И теперь, когда следователь ушел, он все так же, молча и спокойно, смотрел на капитана уголовного розыска в ожидании новых распоряжений.

– Простите, я забыла, как вас зовут? – уточнила Олеся Сергеевна, ругая себя за забывчивость.

– Евгений Семенович, – глухим басом прогудел «квадратный» участковый и зачем-то добавил: – Для вас просто Евгений.

Не поняв ход мыслей лейтенанта, последнюю фразу Киряк пропустила мимо ушей.

– Евгений Семенович, скажите мне, пожалуйста, вы с Николаем Петровичем уже много квартир обошли?

– Мы пошли по порядку, начиная с первого этажа, согласно подъездному списку. На данный момент у нас остался неохваченным лишь последний, девятый этаж и, соответственно, имеющиеся там четыре квартиры. Везде, где мы были до этого, никто ничего не видел и не слышал, – четко отрапортовал Пикалин.

– Хорошо, тогда давайте обойдем оставшиеся четыре квартиры. Быть может, там нам повезет больше, – предложила Олеся Сергеевна и начала подъем на девятый этаж.

Глава 5

Обойдя три квартиры на последнем этаже и не получив от тамошних жильцов никакой новой информации, милиционеры остановились около последней в их списке – под номером 72.

Утопив до упора кнопку дверного звонка, лейтенант Пикалин продолжал удерживать ее в таком положении. Однако это было излишним. Не прошло и десятка секунд, как дверь широко распахнулась, и на пороге показалась высокая эффектная блондинка лет двадцати с яркими голубыми глазами. У нее были длинные прямые волосы естественного белого цвета, абсолютно без какого-либо намека на то, что цвет является результатом работы парикмахера. «Красавица... очень похожа на коренных прибалтийских девушек», – с легкой завистью подумала Олеся Сергеевна, хотя сама от природы была такой же светловолосой.

Увидев людей в милицейской форме, прекрасная незнакомка вмиг насторожилась, на лице появился легкий испуг. Растерявшись, девушка быстро переводила взгляд с одного милиционера на другого, пытаясь разобраться, кто из них главный.

– Добрый день. Участковый, лейтенант милиции Пикалин, – первым представился местный блюститель правопорядка и показал служебное удостоверение. – Разрешите вой-

ти и задать вам несколько вопросов по поводу преступления, совершенного накануне в вашем подъезде?

– Да-да, конечно, – залепетала блондинка, освобождая дверной проем.

Участковый уверенно шагнул через порог, но не прошел далеко вглубь, а расположился в небольшой прихожей, прямо около входной двери. Следом за ним вошла и Олеся Сергеевна.

– Позвольте и мне представиться. Оперуполномоченный сотрудник уголовного розыска, Киряк Олеся Сергеевна, – четко произнесла она. – Скажите, как вас зовут?

– Лена... Осипова Елена Карловна.

– Елена, скажите, вы вчера вечером и ночью все время были дома? Никуда не отлучались? Может быть, вы слышали какой-нибудь подозрительный шум в подъезде?

– Вчера я приехала из института в четвертом часу и так больше никуда не выходила, ни вечером, ни ночью. А что, собственно, случилось? – заволновалась Елена.

– Нет-нет, не беспокойтесь, лично вас это не касается. Дело в том, что сегодня утром в лифте вашего подъезда был обнаружен труп молодого мужчины. Мы предполагаем, что он был убит. И теперь по служебной необходимости мы проводим обход по квартирам, чтобы выяснить у жильцов интересующую нас информацию, – пояснила Киряк.

Девушка внезапно изменилась в лице. Она побледнела, в глазах возник испуг, зрачки резко расширились. Милиции-

нерам даже показалось, что сейчас у нее случится обморок и она грохнется на пол прямо здесь, в прихожей. Однако молодая блондинка лишь выставила вперед правую руку и уперлась ею в стену.

Елена склонила голову вниз. Теперь она поверхностно и часто дышала. И вдруг поднесла ко рту руку, словно сдерживая крик, и, сорвавшись с места, помчалась по коридору в направлении туалета. Но добежать до конечной цели ей так и не удалось – ее обильно вырвало прямо на закрытую крышку унитаза. Оставив все как есть, она торопливо зашла в ванную комнату и умылась холодной водой. И только затем, окончательно придя в себя, она вновь вышла к милиционерам в прихожую.

Кирик, внимательно наблюдавшая эту картину от начала до конца, немало удивилась столь бурной реакции хозяйки квартиры на озвученную только что информацию. Однако, не подав виду, Олеся Сергеевна продолжила разговор:

– Извините, что мы вас так напугали, но поймите правильно. Это наша работа, мы обязаны разыскивать и опрашивать всех возможных свидетелей преступления.

Елена в ответ промолчала. Набросив на плечи висевшую в коридоре на вешалке спортивную куртку и быстро впихнув ноги в кроссовки, она открыла входную дверь и решительно заявила:

– Я хочу посмотреть на убитого.

Олеся Сергеевна, все еще продолжая удивляться столь

странной реакции и поступкам молодой блондинки, задала ей еще один вопрос:

– А вы что, кого-то ждали вчера вечером и он не пришел? Или у вас есть какие-то подозрения насчет убитого?

– Я не хочу отвечать ни на какие вопросы, пока не посмотрю, кто это, – упрямо заявила молодая студентка.

Однако сразу выйти из квартиры ей все-таки не удалось, поскольку в этот момент из соседней комнаты, громко стуча увесистым костылем, вышла старая худая женщина. На вид ей можно было дать лет семьдесят с хвостиком. Фигура у нее была немного сутулая, однако в глаза сразу бросался довольно высокий рост. Седые волосы были почти идеально зачесаны назад и аккуратно собраны в небольшой пучок на затылке. Яркие синие глаза излучали уверенность и силу характера, что совершенно не сочеталось с заметно дряхлеющим старческим телом. Несмотря на столь солидный возраст, ее былая природная красота все еще давала о себе знать. Правда, ее уже заметно прикрывала вуаль неумолимого старения.

Старуха неспешно шла по коридору, немного прихрамывая на правую ногу. Строгое коричневое платье, поверх которого на плечи наброшена черная кружевная шаль. Костыль, на который она опиралась при ходьбе, сразу же привлек внимание Киряк, поскольку это была, несомненно, старинная антикварная вещь, сделанная искусным мастером и явно на заказ. Завершающим штрихом образа пожилой дамы являлся ее запах: вслед за ней в прихожую проник и мгно-

венно заполнил все пространство густой аромат дорогих духов. Chanel № 5?.. Вроде бы нет... Запах какой-то другой... – автоматически отметила про себя оперативница.

– Елена, остановись. Тебе туда ходить нет никакой необходимости. Не в твоём это положении – на мертвецов смотреть, поверь мне на слово. Это я тебе и как твоя бабушка, и как врач говорю, – с заметным волнением твёрдым, немного звенящим и уж точно не старческим голосом проговорила старуха.

Она говорила на довольно чистом русском языке, но чуткое ухо капитана уголовного розыска сразу уловило характерный прибалтийский акцент. «Значит, я не ошиблась в своём предположении о национальной принадлежности девушки. У неё в роду определённо есть прибалтийские корни. И бабушка тому живое подтверждение», – промелькнула у неё мысль.

– Бабушка, ну зачем же ты вышла? Тебе же требуется как можно больше отдыхать! Тебе все врачи об этом говорят! Я здесь сама со всем разберусь, – ответила старушке внучка.

– Не тебе, Елена, решать, что мне делать, а что нет, – отчеканила та в ответ.

– Ну, тогда не тебе решать, на что мне смотреть, а на что нет, – неожиданно резко и в тон ей возразила студентка.

Выскочив на лестничную площадку и с силой хлопнув дверью, она стремительно помчалась вниз по ступенькам лестницы. Милиционеры спешно последовали за ней.

Елена спустилась на первый этаж очень вовремя, как раз в тот самый момент, когда санитары грузили тело Никитина на брезентовые носилки. Увидев застывшее в посмертной маске лицо мертвого бандита, она вновь побледнела, но потом произошло что-то невероятное. На очень короткое время, совсем мельком, на белом как мел девичьем лице проскользнуло искреннее изумление, а затем, что и вовсе было поразительно, на какие-то доли секунды возникло некое подобие радости. Правда, уже в следующее мгновение оно опять приняло спокойный и отстраненный вид.

Наблюдая со стороны за этой метаморфозой чувств, капитан уголовного розыска поняла, что эта молодая особа явно имеет какое-то отношение к убитому. Поэтому Киряк решила поподробнее расспросить об этом Елену. Она пригласила ее подняться в квартиру, чтобы продолжить прерванную беседу.

В квартире милиционеры обнаружили, что старушка ожидает их в коридоре на том же месте, где они ее оставили десять минутами ранее. Увидев внучку, та первым делом осторожно поинтересовалась:

– Что, посмотрела? Это не Артем, я надеюсь?

– Нет, слава богу, это не он, – облегченно выдохнула Елена.

– Но вы же его узнали? Я это поняла по выражению вашего лица, – решила вмешаться в семейный диалог Олеся Сергеевна.

– Да, я его знаю, – честно призналась студентка. – Это Геннадий Никитин, мой бывший настойчивый ухажер. Только все дело в том, что я всегда ему отказывала в его патологическом стремлении сделать меня своей подружкой. У меня уже есть любимый человек – Артем Егоров. Он вместе со мной учится в медицинском институте. А Никитин мне никогда не нравился. Злой он был и жестокий. Нехороший человек.

Девушка слегка прикусила нижнюю губу, и тут же следом на глазах у нее показались слезы. Однако, быстро справившись с собой, она смахнула их, после чего спокойно и твердо посмотрела на Киряк.

– Да бандит он был... Самый настоящий бандит, – вновь подала голос старуха. – И поделом ему, гаду такому. Он Елене жизнь испортить хотел. Она уж почти три месяца в положении находится от Артема, а тут откуда ни возьмись появляется эта тварь. Совсем внучке прохода не давал. Он Артема так избил, что тот потом в нейрохирургии три недели пролежал. А ваша, кстати, дорогая милиция ничего даже и предпринимать не стала! Пришел как-то к нам один ваш сотрудник и заявил, что нет, оказывается, никаких прямых доказательств того, что Артема избил именно Никитин. Нет, говорит, свидетелей преступления! Как вам это нравится, товарищи блюстители порядка?

Последние слова прозвучали довольно агрессивным тоном. К тому же, задавая вопрос, старая женщина взглянула на стоявших у входной двери милиционеров в упор.

– А вы, извините, кто будете? – неожиданно подал голос молчавший все это время молодой участковый.

Нелицеприятные слова о коллегах его сильно задели, и теперь он стоял с покрасневшимся лицом и в явном напряжении. Было заметно, что мужчина еле сдерживает себя – настолько сильно ему сейчас хотелось отстоять честь милиционерского мундира.

– Да, простите, забыла представиться. Хельга Генриховна Петерсон. Прихожусь родной бабушкой вот этой юной особе, Осиповой Елене. В настоящее время я на пенсии и проживаю здесь вместе со своей внучкой. Думаю, для вас этого будет вполне достаточно, – вызывающим тоном закончила старуха, обращаясь лично к участковому Пикалину.

Тот покраснел еще сильнее и с гримасой возмущения уже открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, но в этот момент в их перепалку вступила молодая блондинка:

– Ой, простите, пожалуйста, я так разволновалась, что совсем потеряла голову! Это все из-за новости об убийстве. Проходите, пожалуйста, на кухню, я вам свежего чая заварю! Вы же здесь, наверное, с самого утра, наверняка уже все продрогли. Я как только вышла в подъезд, первым делом обратила внимание, насколько сегодня резко похолодало. Проходите, проходите, не стесняйтесь! Сейчас еще пирог вишневый будет! Я его в честь сегодняшнего праздника испекла, как раньше всегда моя мама делала.

Девушка проявила гостеприимство, однако после слов о

матери у нее на глазах вновь появились слезы.

Участковый, который, очевидно, был очень упертым молодым человеком и никак не мог простить старухе слов о работе милиции, вместо того чтобы принять столь любезное приглашение, наоборот, попросил у Киряк разрешения покинуть расположение квартиры. Олеся Сергеевна возражать не стала.

Сама же она сняла куртку и прошла на кухню.

Глава 6

От чего угодно могла сейчас отказаться действительно немного продрогшая и проголодавшаяся Киряк, но только не от горячего чая с пирогом. К тому же впереди ее ждал еще почти целый день, а говорить о Геннадии Никитине и его отношениях с возлюбленным Елены было значительно проще за чашкой чая в непринужденной обстановке.

Зайдя в небольшую, довольно стандартную кухню размером девять квадратных метров – собственно, как во всех девятиэтажных панельных домах, – сотрудница уголовного розыска крайне удивилась увиденной там обстановке. Все стены, кроме рабочей зоны около плиты и раковины, которые традиционно облицовывают кафельной плиткой, были оклеены заграничными обоями в стиле лучших салонов Европы начала XX века. Это были светло-коричневые в полоску обои с ярким золотистым тисненым орнаментом. В тон им на массивном карнизе, обрамляя тончайший нежно-бежевый тюль, висели такие же светло-коричневые шторы, собранные посередине золотистыми декоративными подхватами с кисточками на концах. Кругом царили идеальные чистота и порядок.

На небольшом кухонном столе, покрытом аккуратной клеенчатой скатертью, были идеально ровно расставлены китайские фарфоровые чашки и точно такие же блюдца. Ря-

дом, отдельно на каждой салфетке, были разложены изящные антикварные серебряные ложечки. Прямо по центру, на небольшом серебряном подносе, источал аромат анонсированный ранее вишневый пирог, посыпанный сахарной пудрой и тертым темным шоколадом, а сверху удлинненным ромбом красовались аккуратно разложенные, как по линейке, засахаренные вишневые ягоды. Тут же стояла стеклянная сахарница, облагороженная ажурным серебряным контуром. Завершала композицию довольно большая китайская пиала, с горкой заполненная прожаренным миндалем.

Олеся Сергеевна смотрела на такой изысканно сервированный стол, и ей казалось, что она попала на чаепитие в дореволюционную Россию. Немного оробев, она присела на предложенный ей старинный венский стул с подлокотниками, который оказался очень удобным. К тому же теперь у нее появилась возможность расслабить ноги, немного ноющие после вчерашней интенсивной тренировки.

На кухню вошла Елена и поставила на стол большой заварочный чайник из того же сервиза, что и чашки с блюдами, после чего аккуратно присела за стол. Она любезно разлила по чашкам ароматный зеленый чай, разложила по блюдам кусочки пирога и пожелала всем приятного аппетита.

Хельга Генриховна, восседавшая за столом в старинном, но опрятного вида коричневом кресле, также пожелала всем приятного аппетита. Но прежде чем начать чаепитие, отсчитала шесть штук миндальных орешков и положила их се-

бе на блюде. Лишь затем, выполнив эту, по всей видимости, такую привычную для нее манипуляцию, отпила глоток чая.

Заметив любопытный взгляд сотрудницы уголовного розыска, старушка решила проявить благосклонность и пояснительно произнесла:

– Миндаль очень полезен. Особенно в моем возрасте. Он служит хорошим средством профилактики онкологических заболеваний... Вам, если не секрет, сколько уже лет?

– Тридцать два, – ответила капитан милиции, хотя ей вот-вот уже должно было исполниться тридцать три.

– Детей нет?

– Нет, – уже несколько смутилась Олеся Сергеевна.

– Что ж, тогда угощайтесь. Вам уже пора начинать, – категорично заявила Петерсон и съела еще один орешек.

Не зная, что сказать в ответ, Киряк послушно взяла из вазочки миндаль, осторожно разжевала его и запила свежесваренным чаем.

Чай оказался просто восхитительным! Олеся Сергеевна пила его с пирогом и так увлеклась – настолько вкусным оказалось предложенное угощение! – что никак не могла начать служебный разговор на интересующую тему.

Неожиданно первой начала беседу молодая хозяйка.

– Олеся Сергеевна... я правильно запомнила ваше имя? – уточнила она у Киряк и, получив утвердительный ответ, продолжила: – Я догадываюсь, о чем вы сейчас наверняка дума-

ете – предполагаете, кто мог убить Никитина. И, вероятнее всего, считаете, что это мог сделать мой жених Артем. Но это не так. Артем учится вместе со мной на четвертом курсе, и он в жизни не сможет никого обидеть. Он избрал для себя самую гуманную в мире профессию – врач. Если бы вы его хорошо знали, то никогда бы не смогли на него подумать. Он очень добрый и хороший человек.

Киряк молчала и внимательно смотрела на студентку. Та же тем временем продолжила:

– Как вы уже слышали, Никитин чуть больше месяца назад жестоко избил Артема, после чего стал угрожать и мне. Он говорил, что если я вновь стану встречаться с Артемом, то он убьет его, а труп моего жениха никто никогда не сможет найти. Артем его не испугался, и мы все равно продолжили встречаться. А еще мы собираемся пожениться, у нас будет ребенок... – Лена заметно смутилась и, скосив глаза в сторону бабушки, замолчала с виноватым видом.

– Елена, я пока еще никого не подозреваю. Мы с вашим участковым проводили положенный в таких случаях поквартирный обход, не более того. Но раз уж мы коснулись этой темы, позвольте, я задам несколько интересующих меня вопросов. Первое, что мне хотелось бы узнать – приходил ли Артем к вам домой вчера вечером? Или, может быть, кто-то из ваших родственников или знакомых?

– Нет, Олеся Сергеевна, Артем вчера к нам не приходил. Да он и не мог прийти чисто физически. Раз в неделю он

подрабатывает медбратом на станции скорой помощи, и вчера у него как раз было дежурство, – поспешно объяснила Елена. – Зато вчера вечером к нам приходил папа Артема – Егоров Сергей Николаевич, а также его родной дед – Рудольф Яковлевич Ланге. Они хотели поговорить с бабушкой о нашем с Артемом будущем и заодно обсудить предстоящую свадьбу. Отец Егорова ушел довольно рано, он куда-то очень спешил, а вот дед пробыл в гостях дольше – выпил чаю и распрощался с нами уже после девяти вечера... Да, я совсем забыла – вчера к нам заходил еще старинный бабушкин знакомый, ее бывший коллега по кафедре нормальной физиологии, а ныне ее заведующий – Дмитрий Иванович Разин. Он сейчас пишет очередную статью для медицинского журнала и довольно часто приходит к ней консультироваться по разным вопросам. Но вчера он зашел, чтобы просто поздравить ее с днем рождения... Бабушка у меня – бывший доцент кафедры нормальной физиологии нашего медицинского института, кандидат медицинских наук. У нее десятки научных статей и есть даже две написанные монографии по нейрофизиологии. В свое время она была довольно известна в определенных узких научных кругах. По ее примеру и я тоже поступила в медицинский институт! – гордо объявила Елена.

Судя по всему, слова внучки не произвели на Хельгу Генриховну большого впечатления. Она лишь слегка улыбнулась, словно считая этот факт чем-то само собой разумею-

щимся, и так же молча продолжила пить чай.

Тогда Олеся Сергеевна решила обратиться к старушке:

– Хельга Генриховна, а может быть, вы видели или слышали что-нибудь подозрительное вчера вечером?

Петерсон оторвала взгляд от чашки, уперла волевою, отнюдь не старческий взгляд в Киряк и словно просканировала сидящую напротив сотрудницу уголовного розыска. Видимо, получив после осмотра какую-то ценную для себя информацию, она ставшим на удивление мягким и доброжелательным голосом ответила:

– К сожалению, я ничем не могу вам помочь. – Но, немного подумав, уже намного резче добавила: – Наверняка будет лучше спросить у дружков этого бандюги. Они вам скорее подскажут, кто и за что мог убить эту сволочь.

Получив такой ответ, но не желая прерывать беседу и все еще надеясь узнать больше об отношениях убитого и ее внучки, Олеся Сергеевна решила задать пожилому медику вопрос на более близкую той медицинской тему:

– Хельга Генриховна, а как давно вы употребляете миндаль?

Петерсон вновь ее «просканировала» и с едва заметной ноткой раздражения в голосе произнесла:

– Уже полгода. По шесть штук три раза в день.

И демонстративно поднявшись из-за стола и поблагодарив внучку за вкусный чай, Хельга Генриховна неспешно покинула кухню.

Едва старуха вышла за дверь, Елена с волнением в голосе обратилась к оперативнице:

– Вы, если что, не обижайтесь на бабушку... Она очень хороший и добрый человек. Характер вот только у нее чересчур твердый. Она у нас родом из Риги, родилась прямо накануне революции, буквально за день до ее начала. Ей вчера стукнуло семьдесят шесть лет. Правда, она праздновать день рождения не любит, говорит, что он ей напоминает о революции... Но давайте я вам все расскажу по порядку. Так вот, ее отец (мой, значит, прадед) был довольно известным в Риге врачом. После революции, в 1919 году, когда был основан Латвийский университет, он довольно долгое время возглавлял там кафедру анатомии. Да что там говорить – даже мой прапрадед по бабушкиной линии, Вильгельм фон Шмидт – и тот был известным медицинским научным деятелем, только уже в Германии. В моей родословной со стороны бабушки практически одни врачи. Сейчас я вам покажу...

Девушка вскочила из-за стола, быстро куда-то сбегала и через пару минут вернулась со старым журналом в руках. Это был старейший советский медицинский журнал – «Советская медицина», второй номер за 1937 год. Раскрыв его на нужной странице, Елена показала статью, под которой стояло имя – Генрих Янисович Петерсонс.

– Так вот, мой прадед Генрих Янисович был очень деятельным человеком, – продолжила она свой рассказ, – но при этом он совершенно не разделял националистических взгля-

дов среди латышей. И когда в 1934 году в Латвии произошел государственный переворот, а власть в свои руки захватил прогерманский диктатор Карлис Ульманис, прадед с прабабкой в знак протеста, не в силах вынести новых порядков, спустя два года навсегда покинули Ригу. Молодой Хельге тогда шел только девятнадцатый год, она училась на втором курсе медицинского факультета. Однако в Советском Союзе, куда они переехали жить на постоянной основе, судьба к ним также не благоволила. Буквально через год прадеда оговорили и репрессировали, а затем расстреляли как врага народа. Прабабку, как вражескую пособницу, сослали в лагеря на десять лет без права переписки. Там она и умерла. Младшие дети оказались в детдоме, а Хельгу, как дочь врага народа, исключили с третьего курса медицинского института, лишили московской прописки и выслали из столицы. Войну бабушка встретила уже в нашей области, где работала на кирпичном заводе. Перед самой оккупацией ей чудом удалось эвакуироваться в глубокий тыл. Если бы она не успела эвакуироваться, то наверняка бы погибла. Дело в том, что незадолго до прихода немцев в их поселок она получила серьезнейший перелом правой ноги. Этот старый и неправильно сросшийся перелом после войны мучает ее всю жизнь... Вы же видели, что она ходит с костылем? Так вот, сколько я себя помню, она никогда с ним не расставалась. После того как осложненный перелом все-таки сросся, бабушка много раз просилась на фронт, но ее так и не взяли. А когда

война закончилась, каким-то чудом ей удалось повторно поступить в медицинский институт. После его окончания она несколько лет проработала участковым терапевтом. И только затем ей удалось попасть на должность ассистента кафедры нормальной физиологии, где, собственно, она и проработала всю свою жизнь. Вот такая непростая судьба у моей бабушки!

Закончив рассказ, Елена вопросительно посмотрела на Киряк. Та по-прежнему пребывала в глубокой задумчивости, по инерции продолжая вертеть в руках серебряную ложечку. Рассказ, конечно же, был интересный, но пока что ничем не мог помочь ей в расследовании убийства Никитина. Ее аналитический ум по привычке, выработанной за многие годы работы в милиции, в настоящий момент был занят сопоставлением фактов, пытаюсь найти нестыковки в этом загадочном деле.

«Итак... У кого мог быть мотив убить Никитина? Первым из подозреваемых, несомненно, является жених Елены, – рассуждала Олеся Сергеевна. – Артем пока что у меня главный подозреваемый, поскольку именно у него имелся самый весомый мотив: невеста беременна, а безжалостный бандит, который его жестоко избил, угрожает убийством в случае ослушания. Да, этого студента нужно проверить в первую очередь. Второй подозреваемый – его отец, мотив тот же. Правда, про него я пока совсем ничего не знаю. Так, и остаются, конечно же, дружки-бандиты Никитина, но это

уже отдельная история... Все?.. Стоп. А дед Артема?.. Хотя старик вряд ли способен на такое... Что ж, пожалуй, начну я с этих двоих – с Артема и его отца».

Приняв такое решение, Киряк положила серебряную ложечку на блюде и решительно встала из-за стола.

Глава 7

Едва выйдя на улицу, Олеся Сергеевна обнаружила прямо перед собой неприглядную картину. Буквально в пяти метрах от подъезда, рядом с низеньким деревянным штaketником местного палисадника, наклонившись вперед, стоял старший сержант милиции. Он что-то ласково говорил служебной собаке, глядя ее по голове. Немецкая овчарка черного окраса, в очередной раз извергнув из пасти содержимое желудка, жалобно скуля, виновато глядела на хозяина. Асфальтовое покрытие было уже прилично загажено рвотными массами.

Увидев Киряк, дежурный кинолог выпрямился и с выражением озабоченности на лице произнес:

– Здравия желаю, товарищ капитан. Вот оказия! Никак не могу понять, что же с Найдой произошло... Мы с ней прибыли всего каких-то пятнадцать минут назад, да только до лифта и успели дойти. Собака даже след еще толком не взяла, как вдруг закрутится на месте, замечется – и бегом на улицу. А тут ее сразу же наизнанку и вывернуло. Я вот стою и думаю – может, она заболела или отравилась чем?..

Такая же мысль сейчас гостила и в голове сотрудницы уголовного розыска. Она вспомнала ту часть доклада Шереметьева, где он рассказывал, что собачке местной пенсионерки, которая обнаружила труп Никитина, на улице так же внезап-

но стало плохо. «Это что, совпадение? Или у обеих собак стали проявляться признаки острого отравления после контакта с чем-то в подъезде? Там что же, яд какой-то рассыпан? Тогда, видимо, зря я версию с заказным убийством на задний план отодвинула. Пока что все это очень похоже на работу профессионала высокого класса... Так... Требуется срочно найти Сайбоха. Пока криминалист на месте, нужно поставить его в известность».

Покрутив головой по сторонам, она увидела стоящий невдалеке старенький милицейский «уазик», на переднем пассажирском сиденье которого виднелся знакомый профиль Виктора Феликсовича. Олеся Сергеевна направилась к нему.

Криминалист внимательно выслушал ее подозрения, после чего, тихо кряхтя и чертыхаясь, выбрался из машины и направился в сторону подъезда. С учетом того, что болевшая с самого утра спина к обеду разнылась еще сильнее, перспектива проведения очередного забора образцов пыли с пола лифта и площадки первого этажа представлялась ему сейчас малоприятным занятием.

Киряк же забралась на освободившееся переднее сиденье.
– Поехали, – распорядилась она, дав указание водителю отвезти ее в бюро судмедэкспертизы.

По приезде в «судебку» ей определенно повезло – Петр Николаевич был на месте. Неторопливо попивая чай в ординаторской, он совмещал приятное с полезным. Прямо перед

ним на столе лежал какой-то специализированный медицинский журнал по судебной медицине.

– Олеся Сергеевна! Сколько лет, сколько зим!.. – доброй широкой улыбкой поприветствовал Киряк пожилой судмедэксперт с короткой стрижкой «полубокс» и небольшой седой козлиной бородкой.

Ильину было уже под семьдесят, но он настойчиво продолжал работать. Это был человек именно той, старой закалки, а такие люди, как известно, работают до самой смерти, пока, как говорится, их не вынесут вперед ногами с места работы. Хотя в данном случае это явно черный юмор.

– Здравствуйте, Петр Николаевич, – ответила улыбкой Олеся Сергеевна. – Я к вам по делу.

– А как же иначе? Ко мне теперь все молодые женщины приходят исключительно по делу. Зачем им такой старикан, как я? – в шутливой манере продолжил Ильин. – Ладно, не буду вас мучить, Олеся Сергеевна. И так вижу, вы сильно спешите, поэтому не стесняйтесь, выкладывайте суть своей просьбы.

Киряк подробно рассказала судебному медику историю с необычным убийством бандита и в заключение слезно попросила не затягивать со вскрытием и вынесением экспертного заключения.

– Да-а, Олеся Сергеевна, озадачили вы меня... Я уже видел, что к нам привезли тело покойного, да и направительные документы тоже уже успел прочитать. Признаюсь чест-

но, если бы не вы, ждал бы тогда Озеров мое заключение по максимальным срокам. Не нравится он мне, неправильный он какой-то следователь... Вертлявый, что ли... Необязательный... Не таким, по моему мнению, должен быть настоящий следователь уголовного розыска. Ну да бог с ним. Хорошо, выполню я вашу просьбу. Будет вам заключение по трупу. Завтра, в восемь утра, жду у себя в ординаторской.

Поблагодарив пожилого судмедэксперта, Олеся Сергеевна вышла на улицу и сразу же пожалела, что отпустила служебную машину. Теперь добираться до места жительства Артема Егорова и его отца ей предстояло на общественном транспорте.

* * *

Троллейбус не спеша колесил по витиеватому маршруту, везя молодую сотрудницу уголовного розыска на другой конец города. Пассажиров было немного, поэтому никто особо не мешал ей спокойно думать.

На очередной остановке в полупустой салон вошли два пьяненьких несовершеннолетних паренька. Каждому на вид было лет шестнадцать-семнадцать, не больше. Усевшись впереди, они принялись что-то обсуждать, при этом периодически громко и вызывающе смеясь. Поначалу Киряк хотела одернуть ребят, напомнив им, что они находятся в общественном месте, но внезапно из глубин памяти всплыли

воспоминания об одном событии двухдневной давности.

Киряк вспомнила, как она вот так же ехала в троллейбусе вечером со службы, когда на одной из остановок в салон в буквальном смысле слова ввалились два молодых человека – неопрятно одетые и довольно болезненного вида. У того, что пониже ростом, были грязные, засаленные волосы, туго перевязанные яркой оранжевой резинкой, собранные сзади в подобие конского хвоста. При этом сразу бросалась в глаза неестественная желтизна его кожи и глазных белков, а поведение парня было неадекватным. Едва зайдя в троллейбус, он первым же делом направился в заднюю часть салона. Остановившись около места, испещренного глубокими царапинами, желтолицый удивленно и вместе с тем восхищенно взглянул на изуродованную кем-то обшивку. Замерев на месте, он принялся что-то пристально рассматривать на ее поверхности своими расширенными зрачками, изредка по-детски хихикая, словно действительно там было что-то очень смешное и забавное. Качаясь в такт движению транспорта, он простоял так, наверное, остановки три.

Все это время его приятель, который был повыше и явно постарше, сидя невдалеке, с ожесточением чесал левую ногу. У него было измученное лицо нездорового сероватого оттенка и контрастно темнеющие вокруг глаз синюшные круги. Сами же глаза парня при этом имели какой-то стеклянный, словно неживой, застывший вид. Через некоторое время ему, видимо, наскучило это бесконечное, однообразное

движение рукой, и тогда, решив внести хоть какое-то разнообразие в поездку, он повернулся в сторону приятеля и громко выкрикнул сиплым, надтреснутым голосом:

– Чак, дружище! Ну, что ты там увидел? Во тебя штырит!.. Иди лучше сюда, а то пропустишь нашу остановку. Мы уже скоро выходим. – И он громко, гортанно засмеялся, немного приоткрыв свой практически беззубый рот.

Его приятель на окрик не среагировал: он по-прежнему что-то упорно рассматривал на стене троллейбуса. Тогда беззубый поднялся со своего места и вразвалочку направился в сторону непослушного друга. Подойдя к нему сзади, он положил ему руки на плечи и резким рывком развернул его к себе лицом. От этого, в принципе, безобидного движения на лице у паренька возникла ненаигранная гримаса ужаса. В каком-то безумном порыве он кинулся вперед и с силой двумя руками толкнул в грудь своего длинного приятеля, издав громкий, испуганный, какой-то заячий крик. В результате, отлетев на пару метров назад, беззубый плашмя упал на спину между рядами пассажирских сидений и сильно ударился головой об пол.

Все это действие происходило в непосредственной близости от Киряк, поэтому она прекрасно видела, как после падения из-под расстегнутого воротника красно-синей клетчатой рубашки наружу выскочила очень любопытная вещица. Это было стальное украшение матового цвета, стилизованное под лезвие от безопасной бритвы, только чуть большего

размера, на котором довольно крупными буквами было выгравировано имя «Джо».

Рассмотреть что-либо еще Олесе Сергеевне уже не удалось, поскольку упавший на пол молодой человек довольно быстро вскочил на ноги, подлетел к своему неадекватному товарищу и со всего размаха шлепнул его ладонью по голове.

– Ты что, сука, с катушек слетел?! Давай, врубай реальность! Мы выходим! – прокричал он прямо в лицо приятелю.

Желтолицый паренек от полученной оплеухи мгновенно пришел в себя. Он стал оглядываться по сторонам, словно никак не мог понять, где находится, но затем, видимо, разобравшись с этим вопросом, покорно устоял на дверь-гармошку. Как раз в этот момент троллейбус остановился на очередной остановке, и водитель открыл двери. Взяв за шиворот неадекватного друга, тот, что был постарше, с силой толкнул его по направлению к выходу. Оказавшись на улице, оба уныло побрели в темноте в сторону центральных ворот городского парка.

Эта картина вызвала у Олеси Сергеевны довольно смешанные чувства. С одной стороны, она, как опытный оперативник, знала наверняка, что эти двое – наркоманы и в данный момент, вне всяких сомнений, находятся под воздействием наркотических веществ. Она почти физически ощущала исходящую от этих двоих угрозу и опасность для окружающих. Но с другой стороны, эти молодые жертвы собственных патологических пристрастий в глубине ее женской

души вызывали сожаление о том, что они совершенно бессмысленно растрачивают дар жизни, вызывая у окружающих лишь чувство отвращения и брезгливости.

Провожая их взглядом, она словно предчувствовала, что им суждено встретиться снова – по какой-то необъяснимой причине эта парочка сильно врезалась ей в память.

* * *

Потратив около часа на поездку, Киряк добралась до требуемого адреса. Зайдя в подъезд старенького кирпичного пятиэтажного дома, она поднялась на второй этаж и позвонила в дверь. Ей открыл полноватый мужчина невысокого роста, лет под пятьдесят, с густыми усами и аккуратно подстриженной бородой. Сквозь толстые стекла очков на Олесю Сергеевну смотрели значительно уменьшенные из-за линз настоящие карие глаза.

– Здравствуйте. Позвольте представиться – сотрудник уголовного розыска, капитан милиции Киряк Олеся Сергеевна, – произнесла она и раскрыла удостоверение.

– Очень приятно. Сергей Николаевич Егоров. Чем обязан вашему приходу? Или в деле Артема что-то все-таки прояснилось? – с любопытством задал вопрос мужчина.

Помня, как милиция отнеслась к расследованию факта избияния студента Егорова, Киряк решила сразу внести ясность в данный вопрос.

– Нет, я к вам пришла не по делу об избиении Артема. Скорее наоборот, мой визит связан с другим, уже новым делом – по факту смерти Геннадия Никитина. Сегодня утром его нашли мертвым в подъезде дома по адресу, где проживают хорошо известные вам Осипова Елена и ее бабушка Хельга Генриховна Петерсон. Поэтому мне необходимо выяснить, где вы и ваш сын находились вчера с шести часов вечера до семи часов утра сегодняшнего дня?

Услышав из уст Киряк эту страшную новость, мужчина явно озадачился. Однако вместо ответа он лишь широко распахнул входную дверь и жестом пригласил оперативницу войти в квартиру.

Первое, что сразу же бросилось ей в глаза, была натянутая вдоль всего коридора длинная бельевая веревка, на которой сушились крохотные детские вещички – пеленки, ползунки, рубашечки, чепчики и прочие атрибуты жизни маленького человечка. У Олеси Сергеевны, у которой детей не было, вид детских вещей сразу же вызвал чувство умиления. На секунду она даже забыла, зачем пришла, но, быстро взяв себя в руки, вновь перевела взгляд на хозяина квартиры.

Мужчина молчал и смущенно топтался на месте, не зная, как и с чего начать. Но под удивленным взглядом капитана милиции, собравшись с духом, он четко и громко заявил:

– Товарищ капитан, прежде чем я отвечу на все ваши вопросы, мне хотелось бы кое-что прояснить. Понимаете, на самом деле я не родной отец Артема. В действительности он

приходится мне приемным сыном, а его родная мать, моя бывшая жена, умерла три года назад от онкологии. Совсем недавно я женился снова и теперь живу здесь вместе с новой женой и нашей недавно родившейся дочкой. – Он указал рукой на развешанные детские вещи и, виновато улыбнувшись, продолжил свой рассказ: – Артем с раннего детства считал, что я его родной отец, но лишь недавно ему открылась правда, буквально полгода назад. Когда он об этом узнал, с ним случилась истерика. В порыве отчаяния он категорично заявил, что отныне желает жить один, самостоятельно. С большим трудом ему удалось выбить себе место в студенческом общежитии, куда он переехал жить на постоянной основе. Так что здесь вы его не найдете. Теперь мы с ним встречаемся раз в две-три недели. Мы с женой помогаем ему продуктами, а иногда еще и деньгами. Хоть он и устроился на «скорую помощь», вы же понимаете... это копейки... А видел я его в последний раз позавчера утром. Он заходил ко мне на работу в больницу и занял немного денег. Все, с того момента мы больше не виделись. Вчера у него, насколько я знаю, было суточное дежурство. Так что сейчас он наверняка отсыпается в общежитии. А что касается меня – вчера вечером я был в гостях у Елены, мы общались с ее бабушкой, Хельгой Генриховной. Ушел я довольно рано, около шести часов вечера, поскольку сильно спешил домой – жена плохо себя чувствовала, и нужно было помочь с малышкой.

Олеся Сергеевна смотрела на этого полноватого и черес-

чур уж мягкого человека и понимала, что версия с убийством Никитина, где в главной роли выступил отец Артема, рушится прямо на глазах. Слишком маловероятным казалось, что он способен на столь изощренное убийство.

Хотя...

– Извините, а вы кто по специальности? – уточнила Киряк.

– Врач-невролог.

«Невролог? – задумалась Киряк. – Тогда, пожалуй, рановато скидывать его со счетов... Нужно тщательнее проверить его алиби».

Записав показания и выяснив, где проживает Егоров-младший, сотрудница уголовного розыска направилась в общежитие медицинского института и через сорок минут уже стучалась в дверь его комнаты.

Пока Олеся Сергеевна стояла и настойчиво барабанила в расписанную всеми цветами радуги дверь, она во всей красе смогла оценить, как отмечают праздник студенты в условиях общежития. Из открытых через одну дверей общежитских комнат доносились веселые крики и смех, слышались звон стеклянной посуды и радостные возгласы. Почти везде громко играла музыка, а кое-где гремели гитарные аккорды популярных в молодежной среде песен. В одной из таких близлежащих комнат как раз громче всех слышался нестройный хор мужских и женских голосов, под аккомпанемент расстроенной гитары старательно выводивший слова

известной песни группы «Кино». «Группа крови на рукаве, твой порядковый номер на рукаве...» – разносилось практически на весь этаж.

«Что-то рановато студенты начинают праздновать... – с улыбкой подумала Киряк, автоматически посмотрев на наручные часы. – И как тут вообще кто-то может выспаться после суточного дежурства?»

Наконец дверь открылась, и на оперативницу сонным взглядом уставился практически голый, в одних лишь трусах, высокий молодой человек спортивного телосложения. Немой вопрос застыл в его покрасневших, заспанных глазах.

– Капитан уголовного розыска Киряк Олеся Сергеевна. Артем Егоров – это вы?

Молодой человек в ответ утвердительно кивнул.

– Мне нужно вас опросить. Дело в том, что вчера вечером в подъезде дома, где проживает ваша невеста, Осипова Елена, был убит хорошо известный вам человек – Геннадий Никитин. Подскажите, где вы были вчера с шести часов вечера до семи часов сегодняшнего утра?

Парень непонимающе посмотрел на Киряк и растерянно произнес:

– Все это время я был на дежурстве. Я подрабатываю медбратом на «скорой помощи». Это вам и доктор, и водитель, с которыми я вчера был в бригаде, легко могут подтвердить.

Понимая, что рушится и эта версия, с наиболее понятным мотивом преступления, Олеся Сергеевна поблагодари-

ла парня и уже собралась уходить, но тут профессиональное любопытство взяло верх.

– Простите, Артем, а можно я задам вам вопрос несколько иного плана? – Получив очередной утвердительный кивок, она продолжила: – Ваш отец, Сергей Николаевич, сказал мне, что он не является вам родным и что сами вы об этом узнали только полгода назад. Позвольте поинтересоваться, а кто ваш настоящий отец?

– А вам это зачем? Какое это может иметь отношение к убийству Никитина? – раздраженно, со злобой в голосе процедил сквозь зубы Егоров.

– Это, молодой человек, не вам решать. Когда дело заходит об убийстве, для следствия важна любая мелочь. Поэтому будьте любезны, четко ответьте на поставленный вопрос, – холодно и строго отчеканила оперативница, всем своим видом показывая, кто тут старший.

Артем немного подумал и сдался.

– Моим биологическим отцом является старинный приятель и коллега Лениной бабушки, Дмитрий Иванович Разин, заведующий кафедрой нормальной физиологии института, где учимся мы с Леной.

Произнеся это, молодой человек с недовольным видом усталился в пол.

– Тогда, позвольте, я задам еще один вопрос: Елена знает о том, что Разин – ваш биологический отец?

– Да. И бабка ее знает... Хельга Генриховна, – резко от-

ветил студент, как-то уж очень не по-доброму выделив интонацией слово «бабка».

Это тут же резануло слух опытному оперативнику. «С чего бы это он так недолюбливает бабушку своей невесты?» Но, поскольку больше мучить парня своими вопросами она не хотела, то попрощалась и покинула студенческое общежитие.

Выйдя на улицу, она напоследок обернулась и подняла голову вверх, туда, где из открытого настежь окна на третьем этаже кто-то громким пьяным голосом, совершенно не попадая в ноты, выводил припев очередной популярной молодежной песни. «Ой ее, ой ее, ой ее...» – летело из открытого окна по всей улице. «Да... весело живут студенты», – мечтательно подумала она и зашагала в сторону автобусной остановки.

Глава 8

Два парня, семнадцати и девятнадцати лет, сидели на грязном, затертом до дыр диване в гараже их давнишнего приятеля. Будучи в нездоровом возбужденном состоянии, они совершенно не знали, как им успокоиться и чем хотя бы на время себя занять. Наркотическая ломка уже два часа давала о себе знать, становясь все более и более невыносимой.

Один из них, тот, что постарше, больше известный в наркоманских кругах как парень без имени, просящий всегда обращаться к нему только по прозвищу Джо, сидел в полусогнутом положении. Наклонившись вперед, он с остервенением чесал изгрызенными ногтями свои оголенные ноги. Ниже подвернутых до колен грязных джинсовых штанин кожа обеих голеней была изъязвлена и покрыта белесовато-бурым струпом, поверх которого отчетливо виднелись кровавые полосы множественных свежих расчесов. Чесать воспаленные раны было больно, но намного большее ломило и выкручивало буквально все тело. Поэтому ощущения от ран даже несколько успокаивали его, хотя бы на время отвлекая от непреодолимо накатывавшей героиновой ломки.

Другой паренек – худой и subtilный, с длинными, свалывшимися, грязными волосами, которые сзади были небрежно перехвачены оранжевой резинкой, – сидел рядом с прижатыми к груди ногами, крепко обхватив их руками.

Несмотря на то что на нем было надето большое количество одежды, парня трясло в сильнейшем ознобе. Белки глаз его были желтушны, как и вся кожа, и в тусклом свете запыленной потолочной лампы сверкали лихорадочным блеском. Этого молодого человека звали Александр, но имя свое он также игнорировал. Слепо подражая старшему товарищу, он всегда просил обращаться к нему только по вымышленному имени – Чак.

Оба они были наркоманами со стажем и теперь, сидя в приятельском гараже, судорожно пытались сообразить, где им раздобыть денег на покупку очередной дозы. Наркотики они теперь употребляли абсолютно всякие, лишь бы хоть на время получить передышку в бесконечном кошмаре ломок. Годы потребления наркотических веществ сильно изменили их тела и психику. У Джо уже давно был СПИД в развернутой стадии, и, как следствие сочетания иммунодефицита и тяжелых наркотиков, у него активно происходили необратимые изменения в организме, что внешне очень наглядно демонстрировала ротовая полость молодого человека. На сегодняшний день в ней осталось всего восемь зубов, остальные выпали по разным причинам. Одной из таких причин являлся хронический остеомиелит верхней челюсти, который в последнее время стал очень быстро прогрессировать, ухудшая состояние костей буквально с каждой новой принятой дозой тяжелого наркотика. Кость верхней челюсти уже настолько сильно прогнила, что образовался огром-

ный незаживающий дефект, который безобразным, постоянно кровоточащим туннелем соединил ротовую полость с полостью правой гайморовой пазухи. И теперь, когда Джо начинал курить, то для того чтобы затянуться сигаретой, ему всегда приходилось двумя пальцами сильно надавливать на щеку в этом месте, чтобы таким образом временно ликвидировать сообщение между полостями. Никак иначе покурить у него не получалось.

Что касается Чака, то этот наркоман был болен туберкулезом и сразу двумя видами гепатита – В и С. При этом паренек даже не пытался обратиться в больницу – он просто тихо сгорал. С каждым днем сил на продолжение бесконечной борьбы под названием «жизнь» становилось все меньше и меньше, поэтому к своему постоянному кровохарканью и окрашенной интенсивным желтым цветом коже он относился с полным безразличием, принимая их как само собой разумеющееся.

– Джо, послушай, я больше не могу... Сил никаких не осталось терпеть эту боль. Я сейчас, наверное, сдохну... – принялся ныть Чак.

– А мне, ты думаешь, легче? – ответил ему Джо. – Ты давай лучше думай, где бы нам денег взять...

Джо нервно поднялся с дивана и, покрутив головой по сторонам, направился в угол гаража. Там на полу большой горкой был небрежно свален старый строительный хлам. Порывшись в нем, он достал из кучи мусора обрезок толстой

ржавой арматуры длиной примерно сантиметров пятьдесят. Дважды махнув им на пробу по воздуху, он с довольным видом повернулся к своему корешу.

– Все, вставай, Чак, сейчас пойдем кого-нибудь грабанем. Бабку какую-нибудь или деда. А может, мужичок пьяненький попадется. Сегодня все-таки седьмое ноября, праздничный день, суббота – многие будут пить. К тому же уже девять часов вечера. Точно какого-нибудь пьяного найдем.

Предложение Джо не слишком понравилось младшему приятелю, поскольку выходить из гаража на холодный, промозглый ноябрьский вечер ему совершенно не хотелось – Чака накрыл очередной приступ озноба.

– Ну и хрен с тобой, сиди здесь. Но учти: в таком случае дозряк сегодня ты точно не получишь, – угрожающе произнес Джо.

– Ладно, пошли, – сдался Чак. Перспектива остаться без наркотика пугала его намного больше, чем проблемы с собственным здоровьем.

Вот так они и вышли из гаражного кооператива: один, постарше и повыше, шел впереди, шагая по осенней грязи неестественной пружинящей походкой и пряча в рукаве куртки толстый кусок арматуры, и другой, помладше, желтолицый и с длинными волосами, набросив на голову капюшон и скрестив на груди руки, семенил по дороге мелкими шагами, стараясь не отставать от своего поделника.

Сперва эти шакалы прочесали окрестные дворы местных

пятиэтажек, расположенных в непосредственной близости от гаражей. Не обнаружив там никого подходящего под их преступные цели, они двинулись дальше по улице в сторону ближайшего магазина.

Буквально через двести метров впереди показались светящиеся витрины большого продуктового магазина – это была их цель номер два. Они уже давно вычислили, что в магазин в вечерние часы довольно часто заходят одинокие пожилые люди, у которых наверняка с собой имеются деньги для совершения покупок. Решив воспользоваться этим вариантом, эти двое, чтобы не привлекать к себе лишнее внимание, расположились на автобусной остановке, точно напротив центрального входа в магазин.

Их внимание привлек дед в яркой полосатой вязаной шапке-«петушке», который, опираясь на трость, не спеша спускался по порожкам продуктового магазина. В другой руке он держал матерчатую сумку с продуктами. Спустившись на асфальт, старик прошел немного вперед и неторопливо повернул за угол. По всей видимости, он держал свой путь в глубину темных, плохо освещенных дворов, образованных двухэтажными домами послевоенной постройки. Поджидавшая жертву парочка переглянулась и поспешно двинулась вслед за стариком.

Они шли чуть поодаль, выдерживая дистанцию и оглядываясь по сторонам, чтобы не пропустить какого-нибудь случайного свидетеля их разбойного нападения. Но, прой-

дя метров тридцать вглубь дворовой территории, Джо не выдержал и резко ускорил шаг. Расстояние между ним и будущей жертвой стремительно сокращалось. Казалось, еще секунда, и нападающий сзади злобный «торчок» непременно настигнет беззащитного пенсионера. Однако за доли секунды до нападения, словно почуяв неладное у себя за спиной, старик резко обернулся. И это оказалось очень вовремя, так как в этот момент, вытащив из рукава куртки обрезок арматуры и размахнувшись, Джо с разбега прыгнул на пожилого человека.

Раздался резкий свист рассекаемого куском металла воздуха...

Толстый стальной прут должен был вот-вот достигнуть черепной коробки жертвы, но внезапно случилось маленькое чудо – старик резко отклонился назад и вбок, в результате чего орудие нападавшего лишь слегка задело его голову по касательной, а толстая вязаная шапка значительно смягчила удар.

Нападавшему повезло значительно меньше. Рука с зажатой увесистой железкой, не встретив на своем пути ожидаемого препятствия в виде человеческой головы, провалилась в пустоту, тут же потянув по инерции за собой самого Джо. Чтобы сохранить равновесие и не упасть, тот попытался шагнуть вперед, однако уже в следующую секунду уверенным точным движением ему была сделана сильная резкая подсечка. Спустя еще мгновение Джо растянулся на асфальте, со

всего размаху угодив лицом в лужу. Где-то неподалеку с характерным металлическим звоном приземлился и кусок арматуры.

Наблюдавший за дракой со стороны Чак с удивлением увидел, как ручка трости в руке старика неожиданно повернулась в сторону и вверх, разделив ее на две части. Теперь в одной руке у деда была сумка с продуктами и сама трость, а другой он сжимал отделившуюся ручку, из центра которой торчала короткая толстая спица.

Раздосадованный и обозленный наркоман хотел было вскочить на ноги и кулаками побить шустрого деда, но... не успел. Свой бой он уже проиграл. Дед быстро присел на корточки, а затем, резко наклонившись вперед, молниеносным движением нанес Джо колющий удар своим странным оружием в область затылка. Раздался еле слышный хруст. Джо вскрикнул, и наступила тишина...

Старик медленно разогнулся и встал в полный рост, а проигравший бой наркоман так и остался лежать на асфальте, уткнувшись лицом в осеннюю грязь и беспомощно распластав руки по сторонам.

Но это был еще не конец.

Бросив короткий взгляд на Чака, убийца расценил его присутствие по-своему. Отбросив в сторону трость и сумку с продуктами, он сделал пару шагов и поднял с земли обресток арматуры. От взгляда, который бросил этот жуткий дед в его сторону, молодого наркомана мгновенно обуял дикий

страх. До его полуразрушенного мозга, почти полностью истлевшего от постоянного приема больших доз разнообразных химических соединений, стало медленно доходить, что с этой минуты он из охотника превращается в добычу. Чак понял, что стал нежелательным свидетелем убийства.

Даже при плохом освещении он отчетливо видел, как сверкают холодной яростью нечеловеческие глаза старика – тот все ближе и ближе приближался к нему, продвигаясь вперед медленным, но очень легким, словно крадущимся, «тигриным» шагом. Эта аналогия с диким животным еще больше испугала Чака, поскольку теперь это был не жалкий пенсионер с тросточкой, а безжалостный демон в человеческом обличье. В одной руке нападавший держал кусок толстой арматуры, а другой сжимал свое необычное оружие.

Вторая волна животного страха прокатилась изнутри по телу молодого наркомана, смешиваясь с дрожью от лихорадки и заметно ее усиливая.

А потом паника, безумная паника охватила Чака! Развернувшись на месте одним движением, он кинулся прочь из этого жуткого места в сторону виднеющейся впереди освещенной городской улицы.

Однако, не успев пробежать и пяти шагов, он услышал сзади подозрительный свист рассекаемого воздуха. И тут же что-то острое с силой вонзилось в верхнюю часть его левого плеча. Сильнейшая боль пронзила его руку.

– А-а-а!!! – заорал Чак не своим голосом, но свой бег,

правда, так и не остановил.

Рука, как плеть, безжизненно болталась рядом, из нее торчал конец железной арматуры. Что-то горячее стекало с ладони. Но он бежал и бежал в сторону уличных огней.

Из последних сил выбежав на освещенную улицу, уже шатаясь из стороны в сторону и почти теряя сознание, он напрямик направился к автомобильной дороге. Чак понимал, что только там его может ждать спасение – кто-нибудь из водителей наверняка остановится, увидев лежащего на асфальте человека.

Именно так и произошло. Первый же из проезжавших автомобилей резко затормозил, обнаружив на проезжей части препятствие в виде человека. Затем остановился второй, третий... Люди столпились вокруг Чака, принялись о чем-то между собой переговариваться. Кто-то достал из машины аптечку, извлек кровоостанавливающий жгут, бинты, йод. Кто-то, склонившись над пареньком, начал оказывать первую медицинскую помощь. Совершенно посторонние люди не остались равнодушными к раненому пареньку. В итоге, как только кровотечение было остановлено, двое мужчин подняли Чака на руки, уложили на заднее сиденье автомобиля и быстро умчались в неизвестном направлении.

Все это безотрывно наблюдал из темноты, прижавшись к стене крайней двухэтажки, неизвестный старик в вязаной шапке-«петушке», на левой стороне которой отчетливо проступило небольшое пятно свежей крови. Проводив взглядом

удаляющуюся машину, увозящую вторую жертву этого позднего осеннего вечера, таинственный убийца вновь направился в темноту дворовой территории – туда, где лежало бездыханное тело наркомана без имени, известного своим знакомым лишь по прозвищу Джо.

Глава 9

Июнь 1936 года. Рига. Латвия.

На перроне железнодорожного вокзала было многолюдно, однако среди отъезжающих и провожающих выделялось большим нагромождением чемоданов и коробок одно многочисленное семейство. Кроме отца и матери здесь были девятнадцатилетняя старшая дочь и два малыша трех и пяти лет от роду: мальчик и девочка.

Отец семейства – высокий, крепкого сложения мужчина с рыжими густыми усами и интеллигентной «докторской» бородкой – все никак не мог устоять на одном месте, беспокойно прохаживался по перрону то в одну, то в другую сторону. Было очень заметно, что он сильно нервничает – мужчина курил одну папиросу за другой и постоянно оглядывался по сторонам, словно ища кого-то глазами.

Его жена – высокая, под стать мужу, блондинка средних лет в изящной дамской шляпке и с собранными в конский хвост волосами – тем временем безотрывно следила за младшими детьми. Те же, явно заскучав в ожидании поезда, уже давно приступили к веселым играм. По всей видимости, терпение женщины было на исходе, поскольку в какой-то момент ее яркие синие глаза внезапно потемнели, и в них заискрились грозовые заряды. Со стороны могло показаться, что еще секунда-другая, и она начнет пускать молнии в сво-

их непослушных детей. Действительно, малыши так заигрались, что совсем перестали обращать внимание на грозные окрики матери, да и сами игры уже давно перешли все дозволенные для общественного места рамки приличия.

– Ну где же она? Мы же ей сказали, что отправление ровно в семнадцать тридцать! – обращаясь к жене, нервно произнес рыжий мужчина и тут же, не дождавшись ответа, суетливо повернулся к старшей дочери, обращаясь уже к ней: – Хельга, посмотри на вокзальные часы. Который час? Во всей этой суматохе я куда-то положил свои очки и теперь не могу их найти. А без них я ни черта не вижу...

– Сейчас только пять минут шестого. Папа, не переживай, до отправления поезда еще целых двадцать пять минут, – пытаюсь успокоить отца, ответила дочь.

– Генрих, не нужно так волноваться. Ханна пообещала, что прибудет вовремя, только попрощается с друзьями и приедет. Ты же прекрасно понимаешь, что мы, возможно, больше никогда не вернемся в Латвию, – сказала супруга, пытаясь хоть как-то отвлечь мужа от тревожных мыслей. – Мы и так еле-еле смогли ее уговорить поехать с нами в Советский Союз. Ты лучше вспомни, какой скандал она закатила нам вчера вечером. Это еще хорошо, что мой отец не знает о том, что мы вот так... тайно... уезжаем из Риги... А иначе была бы беда...

Едва произнеся эту фразу, женщина осеклась, поскольку внезапно увидела двух людей, шедших по перрону в их сто-

рону – девушку и старика.

Девушкой, несомненно, была их вторая дочь Ханна. Она как две капли воды походила на Хельгу, ведь они были близнецами. Правда, сходство было лишь внешним. Характеры сестер являли собой полные противоположности, как огонь и лед. Хельга по своей природе была спокойной, уравновешенной девушкой, имела довольно либеральные взгляды на жизнь и больше всего на свете любила три вещи: музыку, театр и медицину. Ханна же, в отличие от сестры, была отнюдь не романтической особой. Она была крайне практична во всем. Правда, при этом столь импульсивна, что порой это переходило в открытую агрессию – настолько сильно было в ней стремление доминировать. Но больше всего родителей расстраивало новое увлечение дочери, а именно ее необъяснимая тяга к национал-социализму. В последнее время Ханна настолько прониклась идеями нацистской Германии, что стала яркой сторонницей Адольфа Гитлера.

Стоит отметить, что к формированию нацистских взглядов приложил руку родной дед сестер Вильгельм фон Шмидт, отец их матери Катрин. Дед происходил из старинного немецкого рода, имевшего давнишнюю историю. И только, как он всегда считал, его непростительное попустительство в деле воспитания дочери позволило той в свое время выйти замуж за Генриха, этого немца-полукровку, его лучшего ученика на кафедре анатомии Лейпцигского университета с такой несурзной латышской фамилией Петер-

сонс.

И вот теперь именно этот седовласый пожилой мужчина шел рядом с Ханной навстречу стоящему на перроне многочисленному семейству. Лицо старика выглядело напряженным и словно налитым красной краской, по всем признакам было понятно, что он с огромным трудом сдерживает кипящий внутри гнев. Покрасневшие глазные белки с чрезмерно выраженной сеткой кровеносных сосудов возбужденно и угрожающе блестели, а суженные до размера игольного ушка зрачки словно сконцентрировали в себе всю злобу и неприязнь, что была готова в любую секунду вылиться на стоящих перед ним людей. Даже маленькие дети – и те, почувствовав угрозу со стороны родного дедушки, на какое-то время притихли, прижавшись с двух сторон к матери.

Отец семейства, переборов себя и набравшись мужества, сделал шаг вперед и расправил плечи, словно защищая семью от надвигающейся опасности. При виде приближающегося тестя он также не на шутку покраснелся, будто приготовился принять смертельный бой со своим бывшим учителем и наставником по медицинской науке.

В отличие от мужа, Катрин при виде отца еле-еле устояла на ногах. Женщина внезапно побледнела и часто-часто задышала. Казалось, она на грани обморока.

Первым заговорил подошедший старик. Без всяких предисловий он сразу же гневно обратился к дочери:

– Катрин, я чувствую огромное разочарование, когда ви-

жу, во что ты превратилась! Разве ради этого я тебя растил?! Ради этого я дал тебе лучшее в Германии образование?! Чтобы ты, связав свою жизнь с никчемностью, в конечном счете предала Родину, переехав к ее главным врагам?! Разве этому я тебя учил? Тебя, Катрин фон Шмидт, продолжательницу старинного германского рода?!

Было видно, что эти слова даются ему с огромным трудом. Он тяжело дышал, каждая фраза сопровождалась тихим свистящим звуком, словно у пожилого немца случился приступ бронхиальной астмы.

– Нет, видимо, плохой из меня учитель, раз моя дочь готова уехать к коммунистам, предав свой народ! А раз так, то знай, Катрин: у меня, Вильгельма фон Шмидта, нет больше дочери! Нет! Она для меня умерла!!!

Захрипев и страшно выпучив красные, словно налитые кровью глаза, старик замолчал и демонстративно отвернулся.

Почувствовав, что от страшных слов отца у нее подкашиваются ноги, женщина начала медленно опускаться на пыльный железнодорожный перрон. Генрих, очень вовремя спохватившись, буквально в последний момент успел подхватить жену за талию. В ту же секунду к ним кинулась Хельга и сразу же принялась помогать отцу приводить мать в чувство.

Другая же дочь, Ханна, так и осталась стоять на прежнем месте, с равнодушным видом наблюдая за происходящим со стороны. Ни один мускул не дрогнул на ее молодом лице.

Лишь холод и безразличие сквозили во взгляде девушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.